

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ ¹⁾.

XI.

Внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой поставилъ васъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ себѣ Кровію Своею. Ибо я знаю, говоритъ Апостолъ Павелъ, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою (Дѣян. 20, 28—30). Пастырей вашихъ умоляю я, сопастырь и свидѣтель страданій Христовыхъ и соучастникъ въ славіи, которая должна открыться, — говоритъ Апостолъ Петръ, — пащите стадо Божіе, какое у васъ, надзирая за нимъ непринужденно, но охотно и благоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду (1 Петр. 5, 1—3). Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ диаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить; противостойте ему вѣрою, зная, что такія же страданія случаются и съ братьями вашими въ мірѣ (1 Петр. 5, 8—9). И такъ заклинаю тебя предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, Который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ въ явленіе Его и царствіе Его: проповѣдуй слово, стой на время и не во время, обличай, запрещай, увѣщавая со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ. Ибо будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстятъ бы слуху, и отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ баснямъ. Но ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника, исполняй служеніе свое (2 Тим. 4, 1—5). Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія вре-

мена отступать нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ-обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ чрезъ лицемѣріе жесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей... Не неради о пребывающемъ въ тебѣ дарованіи, которое даю тебѣ по пророчеству съ возложеніемъ рукъ священства. О семъ заботься, въ семъ пребывай, дабы успѣхъ твой для всѣхъ былъ очевиденъ. Вникай въ себя и въ ученіе, занимаясь снмъ постоянно, ибо такъ поступаая и себя спасешь и слушающихъ тебя (1 Тим. 4, 1, 2, 14—16). Что же въ основѣ всей дѣятельности пастыря должно быть положено, какъ не только непререкаемое, но и какъ всегда и во всемъ животворное? Все это кратко указано Самимъ Господомъ: Симонъ Іонинъ, любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петръ говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ Ему: *наси овцевъ Моихъ*. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симонъ Іонинъ! Любишь ли ты Меня? Петръ говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: *наси овецъ Моихъ*. Говоритъ ему въ третій разъ: Симонъ Іонинъ! Любишь ли ты Меня? Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ его: любишь ли Меня? и сказалъ Ему: Господи, Ты все знаешь; Ты знаешь, что люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: *наси овецъ Моихъ* (Іоан. 21, 15—16). Искренняя, непоколебимая любовь къ Господу — вотъ основа дѣятельности пастыря словесныхъ Христовыхъ овецъ. Господь зналъ, что Апостолъ Петръ любитъ Его, хотя онъ и трижды отрекся отъ Него въ дни суда надъ Господомъ, и если потребовалъ отъ Своего ученика троекратнаго при всѣхъ ученикахъ исповѣданія его любви, то, несомнѣнно, для того, чтобы засвидѣтельствовать предъ этими учениками, что и Апост. Петръ обладаетъ, не смотря на все случившееся, тою необходимою силою духовною, которая одна даетъ и право и утвержденіе на пастырство.

Высоко и отвѣтственно пастырское слу-

¹⁾ Продолженіе. См. № 52 «Ц. Вѣд.» за 1915 г.

женіе. Будучи, по слову Самого Пастыр-начальника, установившаго на землѣ Своею Божественною властію священство,—солю земли и свѣтомъ міра,—пастыри являются слугами Божиими, сороботниками Бога живого, строителями таинъ Божіихъ и потому самимъ званіемъ своимъ призываются къ предохраненію и врачеванію чело-вѣчества отъ нравственной порчи, къ просвѣщенію, подобно живительнымъ лучамъ солнца, блуждающихъ во тьмѣ религіознаго невѣдѣнія и согрѣванію ихъ теплотою христіанской любви. Какъ строители Таинъ Божіихъ, въ которыхъ желаютъ проникнуть сами ангелы, пастыри, по слову св. І. Златоуста, облечены такою властію, какою Богъ не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ. Обладая властію вѣ-зать и рѣшить, пользуясь имъ только предоставленною возможностью проникать въ самыя сокровенныя глубины душъ чело-вѣческихъ, они являются въ своемъ пастырскомъ служеніи продолжателями совершеннаго Исусомъ Христомъ высочайшаго дѣла спасенія людей и посредниками между Богомъ и людьми, а равно и раздавателями благодатныхъ даровъ Святаго Духа.

Насколько высоко служеніе священника и широки его духовныя права, настолько велика и отвѣтственность его предъ Богомъ. Кому много вѣрено, съ того, говоритъ Господь, много и взыщется. Каждый обыкновенный чело-вѣкъ въ дѣлѣ совершенія спасенія своего отвѣчаетъ только за себя самого, если только не творить соблазна для другихъ, священникъ же долженъ дать отчетъ предъ судомъ Божиимъ не только за себя, но и за врученную ему паству. Поставленный на стражѣ самыхъ дорогихъ, высокихъ благъ, даруемыхъ Господомъ чело-вѣчеству, именно-всего того, что къ вѣчному спасенію людей, поставленный при пути, на пути къ вѣчной жизни и во главѣ всѣхъ идущихъ по нему, священникъ не долженъ, не можетъ стоять на этомъ пути безучастнымъ или теплохладнымъ зрителемъ всего совершающагося между людьми, особенно между членами его паствы.

Объ этой великой отвѣтственности и говорятъ Апостолы, убѣждая своихъ преемниковъ вѣрно исполнять свои пастырскія обязанности. *Горе мнѣ, если не благовѣствую*, говоритъ Апостолъ Павелъ. Горе и тѣмъ изъ апостольскихъ преемниковъ, кои не радятъ о своемъ благовѣствованіи среди людей и тѣмъ паче среди своей паствы.

Благовѣстите день отъ дне спасенія Бога нашего, возвестите во языцехъ славу Его, во всѣхъ людяхъ чудеса Его (пс. 95, 2--3); *рычите во языцехъ, яко Господь воцарися* (пс. 95, 10); *шейте научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Матв. 28, 19—20); *проповѣдите евангеліе всей твари* (Мрк. 16, 15). Предстоятели церкви должны по вся дни, наипаче же во дни воскресныя, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія (правило 19 шестого Вселенскаго Собора). Ибо свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ. Ибо сей свѣтъ такъ же необходимъ для духовной жизни, какъ свѣтъ солнца для жизни вещественной.

Все, только что выписанное изъ Св. Писанія, достаточно ясно и повелительно говоритъ о безусловной необходимости для пастырей Церкви быть столь же внимательными къ стаду своему, сколько они должны быть внимательны къ самимъ себѣ. И мы думаемъ, что *весь* пастырскій міръ не только сознаетъ эту необходимость, но и болѣе или менѣе ясно понимаетъ въ чемъ и какъ должно выражаться это вниманіе къ жизни пасомыхъ. Само, такъ сказать, пастырское служеніе, разъ оно уже несетъ, указываетъ на дѣятельность пастыря среди своей паствы. Ясно для всякаго, возлагающаго на себя бремя высокаго и отвѣтственнаго служенія Богу, Церкви и людямъ, что пастырское служеніе должно выражаться въ многообразныхъ формахъ, что ему не положено никакихъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя начертываются жизнью и цѣлями Церкви, личною жизнью пастыря и жизнью его пасомыхъ и всего окружающаго міра.

Быть всѣмъ для всѣхъ—это та именно широта для дѣланія, которой не имѣетъ ни одно служеніе человѣческое на землѣ. Повторяемъ,—необходимость задачи, область и даже средства пастырскаго служенія каждому несущему его извѣстны. Но времена и лѣта, видоизмѣняя текущую жизнь человечества, указываютъ намъ какъ на наши отступленія, уклоненія отъ пути праваго, такъ и на то, какія именно стороны должны привлекать именно въ данное время наше особенное вниманіе. Наши времена и дни особенно лукавы; внесено и вносится въ нашу жизнь не только много соблазновъ, но и нарочитыхъ указаній, что и какъ необходимо пастырю, — нечѣстному пастырю,—нынѣ дѣлать, на чемъ сосредоточить свое вниманіе.

Послѣ того, что нами уже указано о современномъ состояніи паствы, не трудно понять, что должно быть предметомъ особенно ревностной заботливости пастыря Церкви. Грозныя событія современности раскрыли язвы нашей жизни. Они же многимъ—многимъ открыли глаза и указали пути, какими и куда должны люди слѣдовать какъ для своего успокоенія, такъ и для сохраненія всего лучшаго въ жизни и для жизни.

Къ Церкви Божіей нынѣ устремляются взоры ищущихъ спасенія, ко всему тому, что она сохраняетъ, влекутся Промысломъ Божиимъ умы и сердца оскорбленныхъ въ лучшихъ чаяніяхъ своихъ людей. Къ познанію Божественной истины, усвоенія ея всѣмъ существомъ человѣческимъ призываются люди, видящіе печальные плоды своихъ горделивыхъ увлеченій, призываются громами гнѣва Божія, выѣвъ распостертаго надъ міромъ.

Особенно тшателное, особенно богоугодное совершеніе Богослуженія и Святыя Таинства является самою насущною потребностію времени и первѣйшей обязанностію священнослужителей. Всегда оно было таковою. Но видъ жизни намъ говорить, что немало отступленій отъ тре-

бованій Церкви въ этомъ отношеніи было и есть. И если всегда брали на свою душу великій грѣхъ небреженія въ дѣлѣ совершенія Богослуженія, то тѣмъ большаю отвѣтственность возлагается на нихъ предъ Богомъ и людьми нынѣ. Почему? Потому именно, что нынѣ въ Церкви Божіей устремляются души не только болѣзнующія, ачужія и жажущія правды, но и много перестрадавшія, больныя, быть можетъ, не такъ еще давно отошедшія было отъ утѣшительнаго и цѣлительнаго вліянія Церкви, быть можетъ, даже и отошедшія-то подъ вліяніемъ несовершеннаго исполненія въ Церкви того, что должно быть исполняемо именно съ совершенствомъ. Между многими другими, ушедшими отъ Церкви, обращаемъ вниманіе пастырей на такъ называемыхъ сектантовъ. Среди причинъ, увлекшихъ ихъ на путь вражды и отщепенства отъ Церкви, нельзя не указать и на то, что нынѣ изъ нихъ не находили удовлетворенія, должнаго для души своей, именно въ совершающемся недостаточно благоговѣнно Богослуженіи. Въ цѣляхъ привлеченія въ ограду Церкви всѣхъ, кто жаждетъ обновленія и одушевленія, пастырямъ Церкви, кромѣ истоваго, благоговѣннаго совершенія Богослуженія, необходимо обратить самое серьезное вниманіе на чтеніе и пѣніе въ Церкви. Мы не можемъ скрывать отъ себя, что и то и другое, вслѣдствіе недостаточной подготовительности низшихъ клириковъ-псаломщиковъ, у насъ поставлено далеко не вездѣ и не всегда удовлетворительно. Вотъ почему—необходимо духовенству озаботиться устройствомъ псаломщическихъ школъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заняться самымъ усиленнымъ образомъ введеніемъ въ возможно широкихъ размѣрахъ всенароднаго церковнаго пѣнія. Мы увѣрены, что при всей кажущейся трудности введенія такового пѣнія—достиженіе того по крайней мѣрѣ, что большую половину богослужебныхъ пѣснопѣній будутъ исполнять всѣ молящіеся въ церкви, вполне возможно. Мы убѣждены, что

при помощи всенароднаго пѣнія въ церкви много, очень много будетъ сдѣлано какъ для основательнаго ознакомленія и наученія пасомыхъ въ истинахъ вѣры, такъ и для огражденія ихъ отъ соблазновъ сектантства и раскола. Съ умѣніемъ, особенно же съ любовью поставленное это пѣніе дастъ приходскому священнику полную возможность дать народу, особенно въ связи съ другими приходскими учрежденіями, прекрасное, истинно просвѣщающее занятіе во дни и часы, свободные отъ трудовъ, больше же всего въ дни праздничныя. Въ этомъ убѣждаютъ не теоретическія размышленія, но и опытъ, при томъ испытанный при обстоятельствахъ, исключительно повидимому неблагоприятныхъ для устройства общенароднаго хора. Общенародное церковное пѣніе дастъ возможность, кромѣ того, съ особенною пользою устраивать мѣстные крестные ходы, совершать паломничества въ обители или вообще къ особо чтимымъ иконамъ, что въ настоящее время является тоже однимъ изъ могущественныхъ средствъ для подъема и укрѣпленія религіозно-нравственнаго чувства. Необходимо, обсуждая этотъ вопросъ о введеніи въ обиходъ церковно-приходской жизни общенароднаго пѣнія, имѣть въ виду—съ одной стороны—слабое знакомство православнаго населенія со смысломъ большинства богослужебныхъ пѣсноуѣній и даже съ общеупотребительными молитвами и необходимость основательнаго ознакомленія паствы хотя бы съ этими послѣдними, а съ другой—и то, что русскій народъ отличается выдающеюся склонностію къ пѣнію и что пѣвопѣнія и молитвы сравнительно очень быстро и прочно запоминаются посредствомъ именно пѣнія. Обращаемъ вниманіе и на слѣдующее.

Въ послѣднее время среди народа стала замѣчаться склонность бывшія въ обращеніи чудныя пѣсни замѣнять разными крайне и бессмысленными и безнравственными частушками фабричнаго происхожденія. Необходимо знать, что частушки эти

являются однимъ изъ средствъ нравственнаго развращенія народа, къ сожалѣнію, иногда съ нарочитою цѣлію употребляемыя людьми, особенно злобно въ отношеніи къ Церкви и существующему государственному порядку настроенными: населеніе, приученное къ пѣнію церковныхъ пѣсноуѣній, а при усердіи обучающихъ этому пѣнію и къ пѣнію разныхъ духовныхъ кантовъ (см. Богогласникъ), несомнѣнно отворачивается отъ пѣнія разныхъ частушекъ и новомодныхъ пѣсенъ. Изъ этого указанія ясно, что при обученіи церковно-богослужебному пѣнію необходимо больше всего обращать вниманіе на молодежь, начиная съ учениковъ школъ. Сколько отраднаго, прямо украшающаго жизнь приходскаго пастыря дастъ лично пастырю и всему приходу болѣе или менѣе удовлетворительно устроенный общенародный хоръ. Сколько добра, радости душевной дастъ онъ въ дни праздничныя, во время народныхъ чтеній и вообще приходскихъ собраній. Будьте, пастыри Церкви, внимательны и приложите свои старанія къ этому святому дѣлу.

XII.

Необходимую принадлежность богослуженія должно составлять и проповѣдываніе слова Божія. Учительство первая и важнѣйшая обязанность священника. Еще въ Ветхомъ Заветѣ Господь Богъ угрожалъ тяжкою отвѣтственностію за небреженіе этой обязанностію. *Аще не возвѣстимиши, не возмалоглеши, беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея възмизу* (Иезек. 3, 18). Исусъ Христосъ, посылая Апостоловъ на служеніе, заповѣдуетъ имъ прежде всего учить: *идите научите оубо народы*. Апостолы смотрѣли на учительство, какъ на главнѣйшую свою обязанность: если я благовѣствую, говоритъ Апостолъ Павелъ, то нечѣмъ мнѣ хвалиться, потому что это моя необходимая обязанность, и горе мнѣ, если не благовѣствую (1 Корин. 9, 16). Правила апостольскія (36 и 58) и соборныя (VI всел. 19) вну-

шаютъ священникамъ нелѣпно проповѣдывать слово Божіе, угрожая въ противномъ случаѣ лишеніемъ священнаго сана, а св. отцы Церкви подтверждали строгость этихъ правилъ примѣромъ своей собственной проповѣднической дѣятельности. Въ древней Церкви ни одна Божественная литургія не совершалась безъ произнесенія проповѣди. По дѣйствующимъ въ русской Церкви постановленіямъ священники обязаны «неослабно» проповѣдывать слово Божіе въ церквахъ и при всякомъ удобномъ случаѣ поучать народъ истинамъ вѣры и благочестія. Въ Духовномъ Регламентѣ изложены опредѣленные правила для проповѣдниковъ (ч. 2, гл. 23). По требованію устава духовныхъ консисторій (ст. 9) священнослужители, получившіе должное образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, обязываются произносить свои собственные поученія, приспособляя ихъ къ понятіямъ и потребностямъ мѣстныхъ слушателей; не получившіе же надлежащаго образованія или почему-либо не могущіе произносить проповѣдей собственнаго сочиненія обязаны при богослуженіи читать поученія изъ твореній св. отецъ и названныхъ для того книгъ. Тѣмъ же уставомъ духовныхъ консисторій (ст. 10) требуется также чтобы по городамъ въ соборныхъ церквахъ учреждаемо было очередное проповѣданіе городскими и пригородными священнослужителями въ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни по расписанію. Въ эту очередь вѣлно включать также воспитанниковъ академій и семинарій, кончившихъ полный курсъ ученія, но еще не получившихъ мѣсть или какихъ-либо опредѣленныхъ занятій. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ церквахъ губернскаго и другихъ городовъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ приходо- и способностямъ священниковъ, должны назначаться консисторіею на цѣлый годъ по воскреснымъ днямъ особія катихизическія поученія (ст. 11) для наставленія народа всякаго пола и возраста въ законѣ Божіемъ. 19 іюня 1890 года

указомъ (№ 11) Святѣйшій Синодъ предложилъ учредить въ каждомъ приходѣ *впроучительныя собесѣдованія* и для этого указано было, какъ эти собесѣдованія устроить. Кромѣ проповѣдей въ церкви священники призываются вести съ прихожанами *въ-богослужебныя собесѣдованія* ¹⁾.

Какъ видно изъ только что изложеннаго,—православная Церковь придавала и придаетъ особенное значеніе проповѣданію слова Божія въ церквахъ. Она стремилась и стремится поставить проповѣдническое слово на подлежащую высоту и сдѣлать его особенно благотворнымъ для пасомыхъ и во всякомъ случаѣ всеобдержнымъ. Къ сожалѣнію, дѣйствительность наша далеко не соответствовала и не соответствуетъ желаніямъ и указаніямъ Церкви. Вслѣдствіе многихъ и разнообразныхъ причинъ, главнѣе же всего вслѣдствіе крайне тяжелыхъ историческихъ условій жизни нашего народа проповѣдничество въ нашей церкви весьма слабо развито и самыя указанія церкви превращены въ большинствѣ случаевъ въ мертвую букву. Въ послѣднее время, когда образованіе среди православнаго духовенства значительно поднялось, казалось бы, проповѣдничество должно было усилиться. На самомъ же дѣлѣ этого не замѣчается. Почему? Это печальное явленіе должно быть объяснено въ значительной степени оскуднѣніемъ во всемъ нашемъ обществѣ всего идеальнаго, привиженіемъ всей жизни, увлеченіемъ матеріализмомъ. Для проповѣдыванія слова Божія необходимо неослабѣвающее воодушевленіе всѣмъ высшимъ, небеснымъ. Приковывая все свое вниманіе только къ землѣ, здѣсь отыскивая для себя и пищу для ума и отдохновеніе для сердца, человекъ, естественно, начинаетъ на все идеальное, не-земное смотрѣть, какъ на нѣчто излишнее, уводящее въ сторону отъ полезнаго. Проповѣдь, кромѣ того, что требуетъ отъ человѣка преклоненія предъ высшимъ—

¹⁾ См. объ этомъ подробно «Практическое Руководство для священнослужителей» П. И. Нечаева, стр. 105—114.

небеснымъ и постояннаго воодушевленнаго настроенія,—она обязываетъ человѣка и всю свою жизнь устроить согласно проповѣдуемому съ церковной кафедрой; она въ то же время неизбѣжно приводитъ и къ осужденію тѣхъ или другихъ явленій въ жизни общества, разныхъ общественныхъ классовъ и даже отдѣльных личностей, каковое осужденіе по разнымъ житейскимъ соображеніямъ кажется и неудобнымъ и даже опаснымъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что проповѣдничество у насъ находится не на надлежащей высотѣ, не на высотѣ даже тѣхъ скромныхъ сравнительно требованій, которыя предъявляются въ этомъ отношеніи и Духовнымъ Регламентомъ и Уставомъ Духовныхъ Консисторій.

Въ настоящее же время чувствуется всюду крайняя необходимость въ самой широкой постановкѣ дѣла церковной и внѣ-церковной проповѣди. Среди всѣхъ слоевъ общества вашего въ высшей степени ясно уже выражена жажда слышать живое слово. Такъ назыв. образованное общество, сдерживая съ себя все наносное изъ чуждаго міра, хочетъ вслушаться въ то, что говорить церковь, стремится повясть всю систему христіанскаго вѣро и нравочученія въ приложеніи и освѣщеніи имъ явленій текущей жизни. Считая себя образованнымъ, оно подъ вліяніемъ совершающагося принуждается призвать себя весьма слабо подготовленнымъ въ той именно области вѣдѣнія, которая нынѣ особенно нужна. Пропорціо-нально прежнему равнодушію къ вѣрѣ и нравочученію христіанскому православному и своевольному богоискательству нынѣ растетъ все больше и больше внимательное отношеніе къ церковному учительству, во многихъ искреннее желаніе укрѣпиться въ правотѣрїи. Вотъ почему мы и видимъ нынѣ не только усердное посѣщеніе храмовъ Божіихъ для молитвы, но и внимательное выслушиваніе проповѣдей церковныхъ. Въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія, особенно сильно чувствующихъ на себѣ тяжелую руку современныхъ ужа-

совъ войны, потребность въ назиданіи, утѣшеніи, успокоеніи и въ возгрѣваніи духа надежды, вѣры и любви для всѣхъ очевидна. Насколько эта потребность велика, можно видѣть изъ того, въ какомъ большомъ количествѣ и съ какимъ неослабнымъ вниманіемъ слушаются проповѣди болѣе или менѣе извѣстныхъ проповѣдниковъ. Часто кажется, что для иныхъ и самое богослуженіе является какъ бы незаконченнымъ, если только нѣтъ по той или другой причинѣ проповѣди. Истрадавшаяся душа ищетъ въ живомъ словѣ проповѣдника живого отвѣта отъ живого же человѣка на всѣ тѣ явныя, а больше тайныя, никому невѣдомыя думы, которыя овладѣваютъ или уже овладѣли умомъ и наполняютъ собою всю душу. Немало приходитъ нынѣ людей въ храмъ Божій, чтобы совѣтъ свою успокоить, чтобы взволнованныя чувства примирить. Идущія съ кровавыхъ полей вѣсти, все чаще и чаще сообщающія не только о бояхъ, не только объ озвѣрѣнїи людей, но и о явленіяхъ особой милости Божіей, заступничествѣ Божіей Матери, о необычайномъ героиствѣ воиновъ, о чудныхъ подвигахъ милосердія и любви къ близкимъ,—въ живой, проникнутой любовью проповѣди вырастаютъ въ сознаніи слушателей въ живыя и поучительныя цѣльныя картины промысла Божія надъ родомъ человѣческимъ. Благодаря проповѣди,—среди переживаемыхъ страшныхъ потрясеній жизни слышатъ, явнѣ раздаются и глубже проникаютъ въ душу и сердце слова Спасителя: *приидите ко Мнѣ, вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы; возьмите шю Мое на себи и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; шю бо Мое благо и бремя Мое легко есть!*

Необходимо и благотворно живое слово проповѣди и тамъ, гдѣ чувствуется особенная склонность использовать создавшіяся во время войны эконоимическія затрудненія въ цѣляхъ или наживы или смуты въ народѣ. Кто предъ глазами населенія раскроетъ всю чудовищность въ нравствен-

номъ отношеніи созданія искусственной дороговизны? Разсчитывать на такъ называемые печатные органы невозможно уже потому одному, что значительнѣйшая часть ихъ находится въ рукахъ или враговъ существующаго государственнаго порядка или лицъ, заинтересованныхъ въ наживѣ. Единственно непристрастнымъ голосомъ можетъ быть—голосъ пастырей Церкви, обязанныхъ, не взирая, на лица, дать надлежащую нравственную оцѣнку дѣяніямъ человѣческимъ, а равно и явленіямъ общественнымъ.

Конечно, трудно ожидать, чтобы проповѣдь церковная, до сего времени или не существовавшая или носившая чисто формальный, безжизненный характеръ, быстро поднялась до надлежащей высоты и приобрѣла то значеніе и вліяніе, которое от нея ожидается церковь и чада ея. Но, обращаясь къ православному пастырству съ призывомъ возрѣвать въ себѣ даръ Божій, неустанно и съ воодушевленною ревностію учить благочестію и вѣрѣ Христовой, мы думаемъ, что грозныя событія текущей жизни болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой средѣ, вызвали и вызываютъ именно въ пастырской средѣ отклики души и сердца, разбудили и будятъ, мощныя духовно-нравственныя силы и призываютъ на самую усиленную дѣятельность во благо и славу Церкви Божіей и ея нынѣ страдающихъ чадъ. Часто приходилось и приходится слышать о непреодолимыхъ будто бы затрудненіяхъ для пользованія *живымъ* проповѣдническимъ словомъ, а равно и о томъ, что проповѣдываніе по звяжкамъ или по тетрадамъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ молящіяся обыкновенно не слушаютъ такихъ проповѣдей. Живое слово затруднительно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе *непривычки* пользоваться имъ. Необходимо предварительныя упражненія, необходима и начитанность въ словѣ Божіемъ, въ твореніяхъ св. отецъ и, наконецъ, въ проповѣдничествѣ. При настойчивости, увѣряемъ, такое слово достижимо

для всѣхъ, кто конечно не лишенъ дара слова или не страдаетъ разными органическими недостатками. Проповѣдываніе по книгѣ или по тетрадѣ только тогда отталкивается отъ себя, когда оно совершается безъ всякаго участія сердца, безъ воодушевленія, безъ яснаго убѣжденія въ томъ, что произносимыя или читаемыя проповѣди необходимы, полезны для пасомыхъ, спасительны для нихъ.

Необходимо помнить, что искреннее увлеченіе и воодушевленіе *своимъ* дѣломъ,—въ данномъ случаѣ—дѣломъ пастырскаго проповѣдыванія,—и полное жизни содержаніе проповѣди неизбѣжно, самими естественнымъ образомъ привлекутъ и къ проповѣднику, и къ его проповѣди вниманіе слушателей. Какъ то, такъ и другое (увлеченіе и содержаніе) даются человѣку только тогда, когда онъ ясно представляетъ, даже болѣе,—въ себѣ самомъ непрестанно ощущаетъ и свое призваніе, и внутреннее, духовное состояніе окружающаго міра. «Что же касается вообще предмета, или такъ называемыя темы для проповѣди, надъ чѣмъ неопытные проповѣдники нерѣдко долго задумываются, то сама жизнь и пастырская практика всегда могутъ указать внимательному къ своей паствѣ священнику весьма богатый для этого матеріалъ. И помимо этого: простые совѣты о томъ, какъ молиться дома и въ церкви, объясненіе сущности составныхъ частей божественной литургіи, силы Святыхъ Таинствъ и цѣли праздниковъ, бѣды о блаженствахъ, указанныхъ въ Нагорной проповѣди Спасителемъ, о заповѣдяхъ, о милосердіи Божіемъ, явленномъ въ искупленіи, совершенномъ Иисусомъ Христомъ, изображеніе христіанскихъ добродѣтелей на основаніи житій Пресвятыя Богородицы и св. угодниковъ Божіихъ,—все это составляетъ такой обильный запасъ предметовъ для проповѣди, котораго достанетъ на цѣлую жизнь священника» (Нечаевъ, стр. III). Если же къ этому присоединить содержаніе вообще

всѣхъ богослуженій, богослужебныхъ пѣнопініи, молитвъ, то будетъ вполне понятно, почему люди, живущіе духомъ Церкви, духомъ евангелія и вообще Св. Писанія, постоянно учатъ другихъ, причѣмъ всегда содержаніе ихъ ученія ново, увлекательно. Поистинѣ—для такихъ людей матеріалъ для проповѣди, для учительнаго слова неисчерпаемъ.

Епископъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙНА И ВѢРА.

(Религіозно-апологетическіе уроки войны).

Промыслъ Божій ведетъ насъ къ духовному совершенству и къ царству Божию, послѣдней цѣли всего, тѣснымъ путемъ земныхъ скорбей, среди которыхъ смерть, издревле называемая учительницею мудрости, занимаетъ самое видное мѣсто. Неудивительно поэтому, что этой цѣли можетъ служить и война, величайшее бѣдствіе въ мірѣ, соединяющее въ себѣ разомъ всѣ виды человѣческаго горя и страданія. Ужасы смерти, злобы, разрушенія и хаоса, остающагося войною, ниспроверженіе ея всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, зрѣлище хрупкости земнаго счастья, всѣхъ человѣческихъ дѣлъ — это и многое другое выводитъ изъ состоянія равновѣсія самыя уравновѣшенныя души, глубоко волнуетъ умъ и совѣсть. И невольно потрясенная душа поднимается отъ несчастной доли плача и грѣха къ высокому и свѣтлому небу религіи, къ вѣчному, безконечному, къ Богу.

Война учитъ добру, уму-разуму, какъ учить этому вообще человѣческое горе; поэтому война, какъ извѣстно, имѣетъ нравственное значеніе. По поводу современной войны не мало говорилось уже въ печати о нравственныхъ урокахъ войны, отчасти отмѣчалось и благотворное вліяніе войны на религіозное сознаніе, но только отчасти,

вскользь; поэтому разсмотрѣніе религіозно-апологетическихъ уроковъ войны, даваемое въ предполагаемомъ очеркѣ, представляется весьма полезнымъ и благовременнымъ дѣломъ.

Война учитъ не только нравственности, но еще и религіи, вѣрѣ.

Войною разъясняются и подтверждаются истинны бытія Бога, безсмертія, искупленія, невозможность нравственности безъ христіанской религіи, а вмѣстѣ съ нею земнаго счастья и прогресса, и превосходство православія предъ латинствомъ и протестантствомъ.

1. *Войною выясняется естественность для человеческой души вѣры въ Бога и безсмертіе и искусственность или неестественность невѣрія здѣсь, какъ и вообще и въ другихъ случаяхъ.*

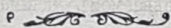
Душа человѣческая по природѣ христіанка. На днѣ ея подъ наноснымъ пепломъ религіознаго равнодушія и невѣрія при благоприятныхъ условіяхъ. Для этого нужны только такія условія, которыя ставили-бы душу человѣческую лицомъ къ лицу съ Богомъ и вѣчностью. А это какъ разъ и дается войною съ постоянною близостью смерти, сознаніемъ ничтожества человѣческаго, случайности и зависимости нашей жизни не отъ насъ самихъ, а отъ роковой власти правящей всѣмъ Высшей Воли. Военныя корреспонденціи, дневники и письма воиновъ даютъ массу матеріала, документально подтверждающаго тотъ фактъ, что въ военной обстановкѣ наблюдаются частые случаи возрожденія утерянной вѣры среди лицъ интеллигентныхъ или же со-всѣмъ не знавшихъ вѣры.

Войною безъ остатка разсѣивается избитое возраженіе невѣрующихъ противъ вѣры въ безсмертіе, будто послѣдняя порождается, между прочимъ, страхомъ смерти! Но какой страхъ можетъ быть у притерпѣвшихся къ ужасамъ смерти и свыкнувшихся съ мыслью о своей смерти, у равнодушныхъ къ ней воиновъ-героевъ? По

Бога, «какъ Творца атомовъ»¹⁾. Гоббесъ и Гольбахъ, подобно древнимъ язычникамъ, *боготворили* природу, и «Система природы» послѣдняго, замѣчаетъ Лянге, «послѣ разрушенія всѣхъ религій сама превращается въ религію»²⁾. Насмѣхавшійся надъ религіей и религіями Вольтеръ, въ глубинѣ своихъ убѣжденій, былъ деистъ, какъ деистами были большинство энциклопедистовъ. Наконецъ, какъ извѣстно, члены конвента, распоряженіемъ которыхъ былъ изданъ шумный эдиктъ объ отбѣнѣ религій, провозгласили религиозное поклоненіе и служеніе «Всеобщему Разуму». Но кто всюду проявилъ и установилъ этотъ разумъ, какъ не Тотъ, Кто все сотворилъ Своєю премудростію, «Кто мудрость вложилъ въ наше сердце, Кто далъ смыслъ нашему разуму» (Повѣ 38, 36)! Вожди и представители французской революціи, возставая противъ Бога, въ противорѣчіе себѣ, устанавливали почитаніе Бога, хотя въ одно-стороннемъ смыслѣ и въ извращенномъ видѣ.

Прот. Дим. Бѣликовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВНИМАЙТЕ СЕБЬ И СВОЕМУ СТАДУ ⁴⁾.

XIII.

Понятно само собою, что особенности того или другого переживаемого времени должны указывать проповѣднику, какъ

¹⁾ Лянге. «Исторія матеріализма». Т. I, стр. 133—140.

²⁾ Тамъ же, стр. 151; 239—240.

³⁾ «Нельзя отрицать того, что тотъ самый человѣкъ, который всѣми силами работалъ надъ разрушеніемъ вѣры, творецъ знаменитаго *escasez l'infame*, пожалуй, гораздо искреннѣе вѣрилъ въ Бога, чѣмъ любой изъ англійскихъ деистовъ. Богъ представляется ему мыслящимъ художникомъ, который создалъ міръ, руководясь мудрой философіею. Хотя впоследствии Вольтеръ рѣшительно перешелъ къ мрачному воззрѣнію, охотно избравшему бѣдствія міра, тѣмъ не менѣе, онъ очень былъ далекъ отъ того, чтобы предположить существованіе снѣно властвующихъ законовъ въ строѣ природы». Лянге. Т. I, стр. 179.

⁴⁾ Продолженіе. См. № 1 «Церк. Вѣд.» с. г.

именно учителю жизни, руководителю душъ,—какія болѣе всего стороны духовной жизни современнаго ему поколѣнія нуждаются или въ упорядоченіи, или въ поддержкѣ, или въ развитіи. Слѣдующимъ указаніямъ, проповѣдникъ тѣмъ самымъ придастъ своему церковному учительству тотъ жизненный характеръ, котораго алчутъ и жаждутъ видѣть въ проповѣдяхъ люди, боящіеся такъ называемой прописной морали. Наше время, переживаемая русскимъ народомъ во всѣхъ его слояхъ современныя тяжкія событія особенно богаты проявленіями тѣхъ движущихъ жизнь человѣческую началъ, борьба которыхъ между собою создала и создаетъ и все доброе нашего времени, и все злое. Въ области отвлеченной идетъ борьба науки, какъ ее обычно и большинство понимаетъ, съ вѣрой. Здѣсь мысль человѣческая стремилась и стремится завоевать себѣ вполне независимое положеніе отъ высшаго, божественнаго авторитета и встать во главу всей человѣческой жизни. Въ области нравственной вслѣдствіе и въ зависимости отъ хода этой борьбы между наукой и вѣрой идетъ борьба между началами христіанскими съ одной стороны, и съ другой—такъ называемой автономной нравственности, независимой отъ вѣнъ человѣка лежащихъ законовъ. Еще въ древности нѣкоторые философы учили, что человѣкъ—мѣра всему. Нынѣ съ особой настойчивостію мысль, чувство и воля людей, стремящихся отрѣшиться отъ стѣняющей ихъ высшей воли, направляются именно въ сторону полной свободы человѣка отъ узъ евангельской нравственности. Вопросъ о самодовлѣющей нравственности, какою бы отвлеченностію не отъзывался, какимъ бы философскимъ и потому недоступнымъ для пониманія большинства не казался,—въ дѣйствительности до того опростился, что къ ужасу каждаго мыслящаго человѣка разрѣшается уже въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія и самымъ смѣлымъ образомъ. Наилучшимъ проводникомъ этого во-

проса въ жизнь массъ народныхъ явилось такъ называемое практическое вевріе— т. е. просто забвеніе о Богѣ подъ вліаніемъ разлившагося потока для однихъ—разнообразныхъ увеселеній, для другихъ въ такомъ же размѣрѣ разнообразныхъ учений о жизни, о людяхъ, о мірѣ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого направленія въ умахъ и жизни и явилось то паденіе нравовъ, которое нынѣ такъ удручающе на жизни отражается. Всюду слышится въ современныхъ явленіяхъ ежедневной жизни—вѣтъ Бога, вѣтъ и грѣха, вѣтъ закона, кромѣ содержимаго государствомъ, вѣтъ и отвѣтственности. О грядущей будущей жизни,—тамъ за гробомъ, всего меньше думаютъ, всего меньше и свою жизнь построютъ сообразно съ Христовымъ ученіемъ. Даже болѣе. Обыкновеннаго стыда, этого естественнаго чувства, становится все меньше и меньше среди людей.

Борьба съ распущенностію нравовъ, являющаюся къ тому же не случайнымъ уклоненіемъ отъ заповѣдей Господнихъ, а естественнымъ и практическимъ выводомъ изъ укрѣпившагося, было, міровоззрѣнія,—борьба словомъ, дѣломъ, посредствомъ школы и другихъ просвѣтительныхъ и общественнаго характера (напр., братствъ) учреждений должна вестись съ особою настойчивостію. Исторія намъ говоритъ, что древніе народы, въ томъ числѣ и самые просвѣщенные—греки и римляне,—погибли именно вслѣдствіе полного нравственнаго растлѣнія. Для паптыр-ей церкви эта область дѣятельности, несомнѣнно, является самою важною, но и самою трудною. Ничто такъ много не оказываетъ сопротивленія благотворному воздѣйствію какъ эта именно распущенность, такъ часто отождествляемая со свободой. Вкусившіе отъ этой мнимой свободы, открывающей самыя разнообразныя возможности для самоуслажденія нашего грѣховнаго я, предпринимаютъ всѣ средства для самооправданія въ дѣяніяхъ, часто явно безнравственныхъ и даже преступныхъ. Самымъ разительнымъ доказа-

тельствомъ этого могутъ служить нерѣдкіе нынѣ поражающіе судебные приговоры. Извѣстно вѣдь, что нынѣ оправдываютъ—воровство, грабежъ, клятвопреступленія, оправдываютъ—отцеубійцъ, женоубійцъ, дѣтоубійцъ; оправдываютъ по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ: то острое помѣшательство, то болѣзненное возбужденное состояніе, то наслѣдственность, то тягота со стороны убитыхъ, то стыдъ и т. п.—служать для суда совѣсти и достаточными основаніями, чтобы сказать: нѣтъ, не виновенъ. Особенно же характернымъ показателемъ въ разсматриваемомъ вопросѣ должно служить для насъ—тотъ наиболѣе распространенный способъ защиты обвиняемыхъ, къ которому прибѣгаютъ чаще всего защитники уголовныхъ преступниковъ: не отрицаютъ иногда самого дѣянія, даже усиливая иногда мрачную обстановку совершеннаго преступленія, они прилагаютъ всѣ старанія къ изысканію якобы непреодолимыхъ побужденій, внѣ воли человѣческой находящихся, коренящихся въ прошломъ и современномъ быту семьи или вообще окружающихъ преступника; и въ заключеніяхъ своихъ прибѣгаютъ къ самому широкому толкованію добродѣтели милосердія, свисхожденія, не оставивъ ваясь предъ именемъ Христовымъ. Важнѣе всего здѣсь не то даже, что преступника оправдываютъ, если, конечно, хоть на-время забывать развращающее вліаніе этихъ оправдательныхъ приговоровъ на общество,—а съ психологической и воспитательной точки зрѣнія то, что преступникъ и ставшіе съ нимъ въ союзъ стремятся установить въ умѣ и совѣсти судящихъ невѣроятность преступленія, безотвѣтственность нравственную, ненужность искупленія содѣяннаго великаго грѣха наказаніемъ. Часто при слушаніи искусно построенной защитной рѣчи невольно врывается въ сознаніе и такой выводъ: ну, что касается нравственной отвѣтственности человѣка предъ судомъ своей совѣсти, предъ судомъ Божиимъ,—это ужъ такіе пустяки, о кото-

рыхъ не стоить и говорить. Совершенно справедливо говорятъ, что судъ показатель брѣпости нравственныхъ устоевъ въ томъ или другомъ обществѣ, и если этотъ судъ начинаетъ терять постепенно устойчивое, непоколебимое мѣрло правды не относительной только, но и безусловной, то, значить, все общество стоить на крайне опасной дорогѣ. Пастырямъ Церкви, — этой хранительницы вѣрной правды, проповѣдующей и судъ и милость, нужно быть особенно чуткими къ сужденіямъ, — отъ кого бы они не шли, — о томъ или другомъ общественномъ явленіи и всегда опредѣленно слово суда церковнаго объявлять и объяснять своимъ пасомымъ.

Въ дни нашего недавняго лихолѣтя получилъ самое широкое распространение особый видъ преступленій. Отдѣльными вспышками эти преступленія бывали у насъ и раньше. Это — прежде всего — бунтъ противъ Государя и существующаго государственнаго строя, настойчивыя попытки силою заставить общество идти по указываемому нѣкоторыми сообществами пути, такъ называемыя политическія убійства, грабежи (экспроприаціи), совращеніе дѣтей и вообще молодежи на путь государственныхъ преступленій и, какъ средство къ этому, — на путь самаго безпредѣльнаго и безстыднаго разврата. Этотъ новый видъ преступленій въ сознаніи нашего общества, особенно же въ средѣ молодежи, получилъ крайне несправильное, возмутительное освѣщеніе. Государственные преступники, въ томъ числѣ такъ называемые экспроприаторы, иначе сказать, воры и грабители, убійцы, организаторы противонаправленныхъ сообществъ (вспомните — «огарки», «лиги свободной любви» и т. п.) возведены въ героевъ, сборниковъ правды и блага народнаго, борцовъ свободы. Такую окраску старались придать сознательно и съ нарочитой цѣлю — увлечь за собой юношество, всегда, даже во времена крайняго упадка нравовъ увлекающееся въемъ идеальнымъ или подобіемъ этого идеальнаго.

Конечно, идеализированный порокъ, превращенное въ геройство преступленіе, опозитивированное, какъ подвигъ, нравственное паденіе — все это верхъ извращенія нравственнаго закона и признакъ разложенія общества или даже цѣлаго народа. А сколько юношества погублено и совращено этою приманкою! Какъ старательно враги Церкви и государства и до сего времени работаютъ надъ воспитаніемъ въ обществѣ убѣжденія, что заговорщики, бунтовщики и вообще государственные преступники должны находиться подъ особымъ покровительствомъ общества, пользоваться его особымъ вниманіемъ и любовью!

«Бдительнаго вниманія и попеченія духовенства требуютъ также повторяющіяся со стороны враговъ мира и любви попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями. Къ прекращенію и предупредженію коварныхъ попытокъ, а равно къ водворенію» между всеми сословіями согласія, основаннаго на началахъ христіанской любви, православное духовенство по долгу своего служенія можетъ и должно дѣйствовать словомъ благоразумнаго убѣжденія, проповѣдываніемъ мира и любви, заповѣданныхъ Спасителемъ (См. Нечаевъ стр. 3). Равнымъ образомъ, если «священнику по званію духовнаго руководителя словеснаго стада Христова надлежитъ нужда поучать по поводу какихъ-либо общественныхъ событій или кончины общественныхъ дѣятелей, то онъ по духу православной Церкви долженъ касаться явленій общественной жизни не иначе, какъ съ православно-христіанской точки зрѣнія и съ единственной цѣлю назиданія по слову Божию и церковному преданію. Изъ жизни скончавшихся согражданъ онъ долженъ заимствовать для своей провѣди только тѣкія черты душени и дѣянія на пользу общую, кои сообразны съ требованіями закона Божія и могутъ служить примѣромъ для подражанія, уроками для каждого достойно *ходить званія* (Ефес. 4, 1) своего, поучительными опытами преуспѣванія

въ вѣрѣ и благочестіи, честнаго, самоотверженнаго труда во благо ближнимъ и отечества...

Но пастырь Церкви нарушить свой долгъ, если, при оцѣнкѣ умершихъ общественныхъ дѣятелей не воздержится отъ *льстивыхъ* словъ (2 Петр. 2, 3), отъ пошлостей господствующимъ въ обществѣ направленіямъ, вкусамъ и мнѣніямъ, суетнымъ и чуждымъ духа христіанскаго, унижая черезъ сіе, въ своемъ лицѣ, достоинство церковной проповѣди и дѣлая ее предметомъ пререканій, къ смущенію, а иногда и къ соблазну благочестивыхъ слушателей (Указ. Св. Сун. 7. 1883 г. № 10, см. Нечаев., стр. 110).

Нетрудно понять, что въ строгомъ слѣдованіи слову Божію и въ охраненіи себя всегда отъ всякаго пристрастія пастырь-проповѣдникъ найдетъ для себя все необходимое для того, чтобы проповѣдь была именно проповѣдываніемъ истинъ Божественныхъ и потому никогда не теряла своего назидательнаго значенія. Нерѣдко слышется, съ одной стороны, сѣтованія на то, что проповѣдники не всегда воздерживаются отъ болѣе или менѣе яркаго проявленія въ своихъ проповѣдяхъ личныхъ воззрѣній, даже въ известномъ смыслѣ партійныхъ лозунговъ, спускаясь иногда даже до свѣденія посредствомъ церковной кафедръ личныхъ съ кѣмъ либо счетовъ, а съ другой—на то, что пастырю проповѣднику постоянно приходится опасаться, какъ бы его слову не придано то или другое личное значеніе: какъ, говорятъ, часто бываетъ, что въ произнесенной въ церкви проповѣди видятъ обличеніе опредѣленныхъ лицъ! Даже возникаютъ вѣдъ дѣла судныя послѣ такихъ проповѣдей. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ вныне изъ пастырей готовы видѣть даже одинъ изъ многочисленныхъ видовъ униженія пастырскаго служенія, зависимости даже въ такой безспорной области, какъ проповѣдываніе въ церкви, отъ разныхъ усмотрѣній и притомъ такихъ лицъ, дѣянія ко-

торыхъ болѣе всего и должны бы подлежать обличенію или разъясненію со стороны пастыря. Не такъ давно былъ случай, когда даже архипастырскую проповѣдь тѣ, кому она была неприятна, постарались осудить именно за то, что она носила будто бы политическій характеръ, затрогивала и разрешала такіе всѣхъ нынѣ затрогивающіе вопросы съ опредѣленно-политической и партійной точки зрѣнія, которые должны, де, обсуждаться только при условіи возможности для слушателей—выслушать мнѣніе и другой партіи, а церковная кафедра, конечно, не даетъ этой возможности. Скажемъ: пастыри и учителя Церкви всѣхъ времяя постоянно стояли, стоятъ и будутъ стоять предъ лицомъ самыхъ иногда неожиданныхъ и невѣроятныхъ явленій, требованій и предъявляемыхъ къ ихъ дѣятельности условій.

Въ исторіи Христовой Церкви были случаи, когда пастырю церкви съ высоты именно церковной кафедры нужно было *обличить* пороки опредѣленныхъ лицъ. Бывали случаи и страданій и гоненій за такія обличенія. Но, имѣя въ виду эти случаи, необходимо ясно представлять, почему знаменитые свѣтильники церкви вынуждались прибѣгать къ обличеніямъ съ церковной кафедры иногда лицъ и высокопоставленныхъ. Это были именно такіе случаи, когда пороки и преступленія высокостоящихъ лицъ заражали всю общественно-государственную жизнь народа, когда подъ вліяніемъ этихъ лицъ совершалось разложеніе общества, а людямъ обыкновеннымъ становилось яснымъ, что Церковь молчитъ даже тогда, когда идетъ явно всеародное поруганіе правды Божественной, таковсе же издѣвательство надъ нравственностію и даже надъ правами населенія,—молчитъ потому,—что беззаконія творятся сильными міра сего. Не обличать, не сказать своего слова Церковь въ такихъ случаяхъ не могла и не можетъ. Наши мнимые охранители чистоты церковной кафедры готовы требовать закрытія устъ пастырей и архипастырей

даже въ такія времена, какъ бывшія назадъ тому три вѣка: вѣдь и тогда, подобно современнымъ нашимъ освободителямъ, были уличены и иные ораторы, воспредавшіе Святителю патриарху Гермогену обличать ихъ продажничество и измѣну. И въ недавнее лихолѣтіе наше, когда освободители наши всѣхъ ранговъ и положеній вздумали было дѣлать революцію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, усиленно требовали, чтобы пастыри Церкви молчали даже тогда, когда подъ видомъ политическихъ ученій смѣло они, освободители, учили народъ и русское юношество грабежамъ, разнымъ все разоряющимъ забастовкамъ, начиная съ забастовокъ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и духовныхъ. На подобнаго рода выступленія и защиту якобы безпристрастія и отчужденія церковной каеедры отъ всего политическаго необходимо смотрѣть, какъ на домогательства—оставить большинство чадъ Церкви именно безъ руководства послѣдней, добиться исполненія намѣчаемыхъ цѣлей, явно опасныхъ и вредныхъ для государства и Церкви; безъ помѣхи и подъ покровомъ тьмы народной и явнаго обмана, и преступленій, а потому необходимо дѣйствовать какъ-разъ обратно тому, чего домогаются эти мнимые радѣтели чистоты и безпристрастія, вѣрнѣе теплохладности со стороны пастырей къ вопросамъ первѣйшей важности въ дѣлѣ созиданія не только этого земного царства, но и царства Божія. Правда, существуетъ распоряженіе, изданное у насъ еще въ XVIII в., запрещающее проповѣднику касаться вопросовъ политическихъ, совсѣмъ не относящихся къ проповѣданію слова Божія (Отнош. Оберъ-Прок. Св. Синода на имя преосвященнаго 2 февраля 1794 г.). Но, съ одной стороны,—дѣлая такое распоряженіе, правительство имѣло въ виду главнѣйшимъ образомъ въ буквальномъ смыслѣ вопросы политическіе, т. е. касающіеся внѣшней политики, а—съ другой это распоряженіе имѣть исключительно временный характеръ.

Вообще, при разрѣшеніи вопросовъ, что должно быть предметомъ проповѣди и каковъ долженъ быть ея характеръ,—необходимо руководствоваться слѣдующими соображеніями. Самъ Господь далъ заповѣдь ученикамъ Своимъ и ихъ преемникамъ учить не только вѣрѣ (шедше научите вся языки), но и тому, чтобы послѣдователи Христовы соблюдали все, что заповѣдано Имъ (учаще блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ). Едва ли кто либо можетъ утверждать, что тѣ разнообразныя ученія, которыми люди хотятъ такъ или иначе устроить или преустроить жизнь общественную, государственную цѣлыхъ народовъ и личную семейную, могутъ стоять внѣ сужденій тѣхъ, кого Господь призвалъ учить людей вѣрѣ Христой и жизни по заповѣдямъ Господнимъ. Существовавшія и существующія политическія теоріи даже въ тотъ моментъ ихъ существованія, когда онѣ не выходятъ еще изъ области отвлеченной, нерѣдко имѣютъ и имѣли большое вліяніе на жизнь людей данной эпохи; тѣмъ большее вліяніе онѣ оказывали и сказываютъ, когда переходятъ въ область практики. Потомъ для пастырской дѣятельности, для ученій и наставленій пастыря первѣе всего открыта именно церковная каеедра, съ нея онъ, какъ служитель Церкви, обязанъ руководить *всею духовною жизнью* пасомыхъ,—иначе сказать—не только тѣмъ, въ чемъ проявляется дѣятельность ума, но и тѣмъ, что служить и источникомъ (сердце) и средствомъ или орудіемъ (воля) дѣятельности. Какая же и гдѣ же можетъ быть положена граница ученію и наставленію пастыря, отвѣчающаго предъ Богомъ за души вѣреннаго ему стада Христова и получившаго къ тому власть визать и рѣшить грѣхи людскіе, исполняющаго свои обязанности тамъ, гдѣ онъ прежде всего призванъ дѣланіе свое пастырское совершать? Но имѣя въ виду эту широту предоставленныхъ самымъ существомъ служенія пастырю Церкви возможностей и обязанностей

воздѣйствія на жизнь, православное пастырство въ этомъ своемъ воздѣйствіи прежде всего и больше всего обязуется помнить, что ученіе его—не личное ученіе, что цѣль ученія—не суетныя желанія удовлетворить какимъ-либо временнымъ и себялюбивымъ стремленіямъ, а истинныя, хотя и временныя, и тѣмъ болѣе вѣчныя блага, что руководствующими побужденіями къ ученію и наставленіямъ всегда должны быть миръ и любовь къ ближнимъ, тѣмъ болѣе къ врученному Самимъ Богомъ стаду. Часто люди, стоящіе на партійной точкѣ зрѣнія (въ политическомъ отношеніи), стараются воздѣйствовать на пастырей Церкви съ цѣлю ихъ отклонить отъ необходимыхъ особенно въ народной средѣ разъясненій существа тѣхъ или другихъ «платформъ» такого рода разсужденіями: выступленія пастырей противъ ученій и стремленій той или другой партіи неизбежно внесутъ въ жизнь паствы раздоры, могутъ и религиозно-настроенныхъ людей изъ осуждаемой партіи, каковыхъ можетъ быть очень много, отъ Церкви удалить, въ ихъ душахъ и сердцахъ поселить неприязнь—и къ церкви и къ духовенству. Многихъ подобныя сужденія (въ жизни часто подкрѣпляемая и другими внушительными и чувствительными доказательствами) смущаютъ и дѣйствительно удаляютъ отъ исполненія несомнѣнной обязанности. Слѣдовало бы такимъ малодушнымъ имѣть въ виду кромѣ побужденій, вытекающихъ изъ самого существа ихъ служенія и слѣдующее: если пастырь Церкви болѣе или менѣе спокойно и безгласно пройдетъ мимо вдавшихся своихъ чадъ въ руки людей, чуждыхъ вѣрѣ и истиннаго пониманія нравственнаго Христова закона, то неужели онъ этою своею теплохладностію предотвратитъ споры и раздоры въ средѣ своихъ пасомыхъ? Неужели не будетъ отъ такого невнимательнаго къ нуждамъ паствы отношенія соблазна среди тѣхъ, кого усиленно соблазняютъ и стараются увести на иной путь? Неужели въ

это время не встанетъ предъ умственными очами пастыря во всемъ своемъ суровомъ обличіи образъ Спасителя, говорящаго притчу о милосердомъ самарянѣ, занявшемъ мѣсто и исполнившемъ то, что должны были сдѣлать священникъ и левитъ? Пастырь Церкви долженъ быть увѣренъ, что исполненная мира, любви и Евангельской ревности проповѣдь никогда, хотя бы она и была направлена на обличеніе міровоззрѣнія цѣлой группы лицъ, не вызоветъ среди вѣрующихъ злобы и вражды. Если же таковыя и явятся, то это первый и вѣжливый показатель того, что озлобившіеся и во вражду впавшіе въ дѣйствительности таковыми и были въ отношеніи къ пастырю и Церкви.

А что говорить и будутъ говорить противъ, какъ выражаются, политическихъ выступленій духовенства,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: врагамъ Церкви и мирной жизни нужно прежде всего разъединить стадо и пастыря, удалить послѣднѣе съ пажитей или по крайней мѣрѣ представить его не пастыремъ, душу свою полагающимъ за овцы своя, а наемникомъ.

Нельзя, конечно, скрывать, что часто, очень часто положеніе пастыря,—и какъ вообще пастыря и въ частности—какъ проповѣдника,—бываетъ крайне тяжелымъ и скорбнымъ. Но вставшіе на великій путь пастырства, поучаясь день и ночь въ словѣ Божіемъ, вдохновляясь высотой служенія и конечными цѣлями его, найдутъ въ себѣ при помощи Божіей достаточно Силъ и мужества, чтобы свое призваніе исполнить по мѣрѣ дарованныхъ и даруемыхъ Господомъ талантовъ.

Епископъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

разговоръ, какъ очутился около своего блиндажа. И удивительное дѣло: мнѣ сказали, что разстояние около девяти верстъ, а я шелъ, казалось, не больше четверти часа... Когда я спустился въ землянку, то меня не узнали: такъ я былъ черенъ, какъ сажа. Мой товарищъ сталъ меня спрашивать, что было со мною, а я только плакалъ. И когда я пришелъ въ себя и сталъ говорить задушевному своему другу, что было, то у меня самого волосы стали дыбомъ. Я пошелъ нарочито въ ту часть, гдѣ значился видный мною товарищъ, спросить о немъ: живъ ли онъ, и узналъ, что онъ убитъ еще 27 апрѣля. Тогда я пожелалъ ему Царства небеснаго.

«Эхъ, тетя и дядя, какихъ я мукъ пертерпѣлся въ то время—и сказать страшно», такъ заключаетъ свой рассказъ воинъ-теелефонистъ въ письмѣ къ своимъ «тетѣ и дядѣ».

Скажите, читатель: кто же это явился за молитвы матери къ «православному воину», чтобъ выручить его изъ бѣды?..

Не ангелъ ли Божій, принявшій видъ его товарища, которому онъ оказалъ послѣднюю услугу, перевязавъ его смертельную рану и позаботившись даже о томъ, чтобъ тѣ, кто найдеть его тѣло, знали что это—«православный» воинъ?..

И вспоминается сказаніе книги Дѣяній Апостольскихъ, какъ Апостолъ Петръ, чудесно освобожденный изъ темницы, случился у воротъ дома Маріи, матери Марка, а вѣрующіе, зная, что онъ заключенъ въ темницу, предполагали, что это не самъ онъ, а его Ангелъ (Дѣян. 12, 15).

И такихъ сообщеній изъ арміи ходить по рукамъ среди народа не мало; въ простотѣ сердца вѣрующаго читають ихъ по деревнямъ, и крѣпнеть вѣра народная въ милость Божию, бодро несутъ русскіе люди тяжкій крестъ войны, уповая на милость Божию. Вотъ почему мы вѣруемъ, что, не смотря на всѣ безумства отщепенцевъ отъ народа, всѣхъ этихъ полуинтеллигентовъ, этихъ безсовѣстныхъ обирателей народа,

прожигающихъ собранныя нечистыми путями средства въ клубахъ и театрахъ,—Господь смилуется надъ Русью, и страшное время пройдетъ, и врагъ будетъ побѣжденъ, и снова надъ нами возсияетъ солнце мира и Божія благоволенія къ нашей родной землѣ.

Архіепископъ Никонъ.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ ¹⁾.

XIV

Храмъ Божій, какъ домъ молитвы и проповѣди слова Божія,—главнѣйшее и первѣйшее мѣсто, гдѣ чада Церкви Божіей воспринимаютъ и должны воспринимать истинное христіанское ученіе. Но для надлежащаго усвоенія этого ученія наставленій въ храмѣ недостаточно. Вотъ почему даже въ тѣ времена, когда чистота вѣры, воодушевленіе христіанское первыхъ христіанъ и самая жизнь ихъ были особенно высоки, рядомъ съ храмомъ Божіимъ всегда существовала школа. Христіанскія училища въ древней Церкви считались необходимымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ распространенія, утвержденія и охраненія истинъ православной вѣры. «По свидѣтельству св. Иринея, христіанское общественное училище основано было въ Ефесѣ еще св. Иоанномъ Богословомъ; подобное же училище было въ Александріи, въ которомъ, по свидѣтельству блаженнаго Иеронима, самъ Евангелистъ Маркъ былъ наставникомъ. Въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ христіанскіе пастыри принимали самое дѣятельное участіе въ распространеніи христіанскаго просвѣщенія черезъ школы, которыя большею частію устроались при архіерейскихъ домахъ, напримѣръ у св. Амвросія Медіоланскаго. Въ нашей отечественной Церкви преимущественно духовенство до самаго времени Петра I заботилось объ основаніи училищъ и приготовленіи для нихъ

¹⁾ Продолженіе. См. № 2 «Церк. Вѣд.» с. г.

способныхъ учителей». (Нечаевъ, стр. 114). Было время у насъ, на Руси, когда одно только духовенство было грамотнымъ. Въ самыя тяжкія времена на Руси, когда мракъ готовъ былъ прикрыть всю жизнь народную, одно только православное духовенство оставалось носителемъ свѣта и хотя съ трудомъ, но поддерживало въ народѣ рускомъ и грамотности и вмѣстѣ съ нею возможность дальнѣйшаго просвѣщенія. Нельзя отрицать, что, благодаря школѣ церковной, всему ученію церковному, создался и языкъ русскій и вообще весь духовный обликъ народа нашего. Для нѣкоторыхъ частей нашего обширнаго отечества просвѣтительная дѣятельность православнаго духовенства явилась исключительно важной. Западная Русь въ борьбѣ съ полонизмомъ и католичествомъ устояла только благодаря особенно усердной и стойкой дѣятельности православнаго пастырства. Поволжская Русь впитала въ себя не малое количество ивородцевъ мирнымъ путемъ опять таки благодаря незамѣтной, но непрестанной просвѣтительной дѣятельности того же духовенства.

Вліяніе западно-европейскаго просвѣщенія, начавшееся много ранѣе Петра Великаго, а при немъ и особенно послѣ него чрезвычайно усилившееся и направившееся по преимуществу на высшіе классы русскаго населенія,—не могло не отразиться на дѣятельности православнаго духовенства и на его вліяніи на просвѣщеніе народное. Безпрестрастная исторія говорить намъ, раскрывая страницы XVIII и почти всего XIX вѣковъ, что хлынувшая въ прорубленное Петромъ окно волна западнаго «просвѣщенія» немало принесла великаго зла, послѣдствія котораго чувствуются и до сего дня. Чтобы понять, почему *просвѣщеніе* внесло въ жизнь народную зло и великую тьму, а болѣе всего нарушило естественность теченія въ начавшей было пробуждаться въ народѣ самостоятельной умственной жизни подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій и подъ воздѣйствіемъ *своихъ* родныхъ дѣйствующихъ

началъ,—необходимо обратить вниманіе, во-первыхъ, на то, что огромное большинство населенія оставалось въ безправномъ, крѣпостномъ состояніи и съ нимъ почти все православное духовенство; во-вторыхъ—*просвѣщеніе* пошло къ намъ, главнымъ образомъ, изъ протестантскихъ странъ; въ-третьихъ—преобразования Петра, коснувшись церковнаго управленія и быта, внесли въ жизнь Церкви такія сѣмена, которыя, выросши, значительно принизили и умалили церковныя силы; наконецъ, въ льющемся просвѣтительномъ потокѣ общество русское вслѣдствіе своей слабой подготовленности болѣе всего отыскивало для себя,—даже почти исключительно,—только одно то, что льстило внѣшнимъ чувствамъ, духовно-нравственному свободолію, что въ извѣстной степени возмѣщало потерю гражданской свободы вслѣдствіе развивающагося чрезмѣрно нѣмецкаго деспотизма—возможностью, поощрявшейся даже иногда, свободы въ дѣлахъ вѣры и мысли. Съ этого именно времени началось постепенное вытѣсненіе вліянія Церкви такъ называемымъ гражданскимъ вліяніемъ, съ этого времени началась борьба негласная, а иногда и гласная, открытая,—того, что начали называть *процессомъ*, съ Церковію. Руководящее значеніе послѣдней стало все болѣе и болѣе сокращаться. Особенно это стало проявляться въ жизни высшаго класса и въ той средѣ, которая стала съ этого времени у насъ образовываться и къ сожалѣнію, подъ исключительнымъ вліяніемъ всего иностраннаго, которая постепенно создала изъ своей среды такъ называемую русскую (въ дѣйствительности именно не-русскую) *интеллигенцію*. Печать и все къ ней прикосновенное все дальше и дальше отходили отъ народа, его возрѣній,—отъ Церкви и ея ученія, пока наконецъ не встала (въ большинствѣ, конечно) въ рѣшительное и откровенно враждебное отношеніе ко всему церковно-православному и русскому. Создававшаяся рядомъ съ церковной—свѣтская школа сразу

же была поставлена подъ руководство школы иностранной и въ большинствѣ, если не исключительно, тоже протестантской. Естественно повтому, что въ обиходъ духовной жизни нашего такъ назыв. передового общества постепенно вошли и всѣ тѣ руководящія начала, которыми жилъ Западъ. Исторія литературы у насъ такъ и дѣлится на столько отдѣловъ, сколько было и смѣнялось у насъ вліяній западныхъ. Самое печальное и темное во всемъ этомъ двухвѣковомъ вліяніи запада на нашу жизнь заключается въ томъ, что наша интеллигенція въ большинствѣ случаевъ въ своемъ рабскомъ преклоненіи предъ Западомъ дошла до отрицанія русскихъ исконныхъ началъ и до проповѣдыванія необходимости даже насильственного насажденія западно-европейскихъ формъ быта и духовно-правственного и общественно-государственного. Отрицаніе Церкви и всего церковнаго стало главнѣйшимъ признакомъ *образованности*.

Естественно повтому, что церковная школа,—эта родовая чальница и основа русскаго просвѣщенія,—подверглась гоненію и стала постепенно замрять. На памяти еще живущаго поколѣнія,—наприм., закрытіе множества церковныхъ школъ, съ неимамъ со стороны духовенства трудомъ устроенныхъ, и замѣна ихъ министерскими, причемъ вмѣсто сотенъ первыхъ удержались для народа какія-нибудь десятки. По крайней мѣрѣ, вѣдомо, что, напр., въ Кіевской епархіи вмѣсто тысячи церковныхъ школъ, открытыхъ дѣятельностію духовенства при митр. Арсеніи, къ 1884 году сохранилось только до 240 министерскихъ училищъ и десятка два церковныхъ школъ. Такое отношеніе образованнаго класса (а съ нимъ и правительственнаго) къ церковнымъ школамъ продолжается и до сего времени. Когда же церковная народная школа въ 1884 году была введена Государя Императора Александра III возобновлена, когда, слѣдовательно, признано было съ высоты Престола необходимымъ или, по крайней мѣрѣ, безусловно-важнымъ ввести въ жизнь народную школу искони

русскія начала, то всѣ наши *передовые* люди и даже учрежденія возстали на возрождавшіяся церковно-приходскія школы съ необычайною энергіею и враждою. Враги школы ни предъ чѣмъ не останавливались: ложь, клевета, издѣвательство надъ бѣдностію школы, издѣвательство надъ духовенствомъ, возбужденіе противъ школы народа,—все было пущено въ ходъ, лишь бы въ зародышѣ погубить до глубины души неприятельную имъ школу. Нынѣ въ сущности то же самое продолжается. Не смущаетъ враговъ Церкви и церковной школы ни явная несправедливость въ распредѣленіи народныхъ средствъ между земскими и церковными школами, одинаково существующими для народа, ни то противорѣчіе, въ которое впадаютъ враги школы, становящіяся въ то же время въ ряды ревнителей обновленія церковной жизни, благоустроенія приходской жизни: воля съ церковно-приходской школой, озлобленные враги и близорукіе подражатели ихъ, очевидно, не хотятъ повѣть, что церковно-приходская школа и должна быть поставлена во главу угла правильной приходской жизни; ратуя за народное просвѣщеніе, они въ то же время не только не хотятъ прислушаться къ голосу народному о томъ, какая школа любя народу, но и не останавливаются предъ явнымъ насиліемъ надъ церковной школой, доводя ее разными средствами и тревніями до закрытія.

На все это мы обращаемъ особенное вниманіе православнаго паствыства для того, чтобы было понятно, почему это и теперь, когда гласъ гвѣва Божія слышится съ небесъ, существуетъ насущная нужда и доказывать необходимость церковно-приходской школы и призывать къ усердному насажденію ея, къ усердной же дѣятельности въ ней и посредствомъ нея и, что всего печальнѣе,—къ охраненію ея тамъ, гдѣ она существуетъ уже и гдѣ существуютъ явныя и тайныя опасности для ея бытія.

Съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія у насъ начали усиленно насаждать земскія и

министерскія училища. Увлеченіе было великое и всеобщее. Образцами для такихъ были, конечно, западно-европейскія, по преимуществу нѣмецкія и отчасти швейцарскія. Не прошло и десятилѣтія, какъ въ народѣ стали появляться голоса, осуждающіе дѣятельность этихъ училищъ, а больше всего — тѣ послѣдствія, которыя стали все чаще и чаще выражаться въ жизни молодого поколѣнія, прошедшаго эти школы. Но ревнители этихъ послѣднихъ прилагали всѣ усилія, чтобы народное недовольство училищами и ученіемъ чѣмъ-либо заглушить: «недовольны, де, старики, несходство, де, между отцами и дѣтьми такъ обычно и неизбежно». Вотъ на чемъ останавливали вниманіе общества, обходя старательно то существенное въ говорѣ и сѣтованіяхъ народныхъ, что больше всего возбуждало народъ противъ новыхъ училищъ. А народъ говорилъ: «о Богѣ то въ школахъ не говорятъ», «какъ молиться-то не учатъ», «побасенками да сказками занимаютъ дѣтей», «о коровахъ да телятахъ больше толкуютъ», «заповѣдей Божіихъ не знаютъ», «родителей не почитаютъ», «въ храмъ Божій, къ службѣ Божіей не ходятъ». Въ этихъ указаніяхъ было все, что могло чуткихъ и на народныхъ началахъ воспитанныхъ людей остановить и заставить задуматься. Но большинство нашихъ руководителей народнаго образованія — были или ярые теоретики или не менѣе ярые западники. Не слышали они голоса народнаго, а если и слышали, то не понимали; большинство же и по преимуществу западники прямо таки и не хотѣли слушать. Но вотъ настали времена революціоннаго у насъ броженія. Шестидесятники нашей скоротечной интеллигенціи смѣнились семидесятниками. А дѣятельность этихъ ознаменовалась первымъ марта 1881 года. Лучшая часть общества нашего призвудалась было надъ *причинами* этого страшнаго событія. И среди этихъ причинъ не могла не броситься въ глаза беспочвенность нашей интеллигенціи, отчужденность отъ основъ народной

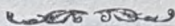
жизни всего нашего просвѣщенія. Русскія до самыхъ глубинъ души своей Царь-Миротворецъ и рѣшили вернуть школъ и всему народному просвѣщенію то, что оно начало уже терять. Воззвалъ Онъ къ православному духовенству, неизмѣнному служителю истины и вѣрному и стойкому работнику въ дни печальные для государства, воззвалъ и указалъ на церковную школу, какъ на вѣрнѣйшую расадницу истиннаго просвѣщенія въ массѣ народной, таковую же воспитательницу народныхъ юныхъ силъ и какъ наиболѣе сродную исконнымъ и исторію оправданнымъ началамъ всей народной жизни. Вмѣстѣ съ этимъ, давая церковной школѣ наименованіе *церковно-приходской*, Государь какъ бы предуказалъ, что эта школа должна послужить и усовершенствованію и обновленію церковно-приходской жизни. Императоръ Александръ III, возрождая церковную школу, всѣ надежды на оживленіе ея возложилъ на приходское духовенство: «надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего *высшаго призванія* въ этомъ важномъ дѣлѣ». И этотъ призывъ и вообще все дѣло возрожденія церковной школы, кромѣ вышесказаннаго, обращаетъ на себя вниманіе еще и слѣдующимъ. Въ словахъ Государя ясно слышится указаніе на то, что православному духовенству въ дѣлѣ устроенія церковной школы придется встать больше всего такъ сказать на идейную почву и не мало потрудиться. Духовенство призывалось къ трудному дѣлу во имя высшаго призванія его. Чтобы важное дѣло народнаго просвѣщенія на началахъ церковныхъ воспріяло силу и приобрьло все необходимое для народнаго благосостоянія значеніе, — для этого трудящіяся на этой нивѣ должны быть заранее готовы къ разнообразнымъ трудностямъ, которыя могутъ быть преодолены только идейнымъ одушевленіемъ какъ вообще въ дѣлѣ пониманія сущности пастырскаго служенія, такъ въ частности — въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Возрожденіе

церковныхъ школъ являлось, такимъ образомъ, какъ бы испытаніемъ для духовенства, насколько оно остается твердымъ въ своемъ призваніи и не поколебалось ли оно въ своемъ міровоззрѣніи какъ на служеніе Церкви, такъ и государству. Съ другой стороны, — въ обстоятельствахъ и условіяхъ, сопровождавшихъ возрожденіе церковной школы и далѣе долженствовавшихъ сопутствовать ея развитію, — нельзя не видѣть и того, что даже такіе убѣжденные и сильные люди, какъ Императоръ Александръ III и К. П. Побѣдоносцевъ перѣшлись круто и въ корнѣ измѣнить установившіеся уже у насъ взгляды на основныя начала народнаго просвѣщенія. Церковная школа вызвалась къ жизни и дѣятельности, конечно, вслѣдствіе сознанія, что въ ней были, въ ней и возможны только единственно вѣрныя и жизненныя начала *народнаго* просвѣщенія и что, слѣдовательно, въ существовавшихъ государственныхъ училищахъ нѣтъ этихъ началъ или они слабо въ нихъ проявляются. Между тѣмъ—церковная школа и въ началѣ и потомъ еще на долгое время была оставлена почти безъ всякой поддержки со стороны государства. И самое возрожденіе и все дальнѣйшее ея существованіе должны были покоиться только на энергіи призваннаго съ высоты Престола православнаго духовенства. Очевидно, такое было засилье того направленія во всей нашей жизни, которое характеризуется главнѣйшимъ образомъ противоборствомъ со всѣмъ, что носитъ печать церковности и русской народности,—что даже и могущественнѣйшіе носители и церковности и народности русской не рѣшились на рѣзкое въ самой основѣ измѣненіе всего учебно-воспитательнаго дѣла въ государствѣ. Православному духовенству предоставлена была, такимъ образомъ, высокая и отвѣтственная дѣятельность, которая бы мирно, безъ болѣзненной и не безопасной ломки вернула русскую мысль, чувство и волю на почву родную, которая бы помогла не только на-

учать, но и, что главнѣе всего, воспитывать молодое русское поколѣніе на непоколебимыхъ началахъ православной вѣры и русской народности.

Епископъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великая отечественная война и церковная жизнь въ 1914—1915 г.г. *)

Наступало лѣто 1915 года и возникалъ вопросъ объ уборкѣ полей запасныхъ. Проявленное Приходскими Попечительными Совѣтами участіе къ семьямъ призванныхъ въ войска и оказанная ими въ теченіе истекшихъ съ начала войны мѣсяцевъ помощь деньгами, продуктами и личнымъ трудомъ, въ частности, по уборкѣ лѣтомъ 1914 года полей, давали основаніе надѣяться, что и впредь Попечительные Совѣты съ такимъ же напряженіемъ и любовью будутъ продолжать свою полезную и плодотворную дѣятельность. Обнаруживалась особая нужда въ помощи семействамъ лицъ, призванныхъ въ войска. Подходила весна близилось время полевыхъ работъ. Число семействъ, оставшихся безъ работниковъ, по сравненію съ временемъ начала войны, увеличилось. Всѣ эти семьи нуждались въ дружной и большой помощи. Нельзя было допускать, чтобы поля защитниковъ Отечества оставались не вспаханными и не засеянными и въ свое время не убранными. Отъ каждаго поселанина Родина ждала новаго подвига самоотверженія. Безучастныхъ и равнодушныхъ къ нуждамъ семействъ лицъ, призванныхъ въ войска, не должно было быть. Великую помощь въ предстоявшихъ полевыхъ работахъ могли оказать свою дружную, вдохновенную дѣятельностью Приходскіе Попечительные Совѣты. Въ этихъ видахъ, призывая Божіе благословеніе на дѣятельность сихъ при-

*) Продолженіе. См. № 5 «Церк. Вѣдом.» с. г.

на всѣхъ ужасахъ войны, на гибели тысячъ и миллионъ жизней въ расцвѣтѣ силъ и здоровья, на морѣ крови и слезъ, проливаемыхъ во время войны, на картинахъ разрушенія и разоренія, все наше существо содрогается и рѣшительно протестуетъ противъ этихъ ужасовъ. Но вѣдь это только одна сторона дѣла: всѣ эти ужасы отступаютъ на задній планъ, когда является необходимость защищать дѣло правды и благо родины, когда сердце начинаетъ рѣшительно протестовать противъ насилия врага, разрушающаго и уничтожающаго самыя дорогія святыни народа, угрожающаго ему угнетеніемъ и порабощеніемъ, принуждающаго его отказаться отъ того, что составляетъ высшее благо и высшую цѣнность его жизни. Въ этомъ случаѣ, будь человѣкъ воплощеніемъ кротости, милосердія и любви, его сердце все равно не выдержитъ, и онъ безъ колебанія возьметъ святой мечъ для защиты праваго дѣла; и тѣмъ выше, благороднѣе и отзывчивѣе на добро душа, тѣмъ меньше она способна помириться съ насиліемъ. Для Л. Толстого, впрочемъ, слова — «защита родины» — были пустымъ звукомъ, такъ какъ онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія широкаго космополитизма; но пусть онъ представилъ бы себѣ, что какой-нибудь дикій народъ началъ бы сплошь вырѣзывать мирное населеніе, чинить всякія невѣроятныя жестокости, совершать дикое насиліе надъ дѣтми и женщинами и т. д., то неужели онъ и въ данномъ случаѣ назвалъ бы по закону нравственной правды защиту угнетаемаго и истребляемаго населенія силой оружія, какъ единственнаго средства воздѣйствія на одичавшихъ злодѣевъ, нравственно преступной и недопустимой?

Узкая логика принципиальныхъ противниковъ войны вертится въ кругу шаблоннаго силлогизма: на войнѣ люди совершаютъ убійства другъ друга, но убійство есть зло и грѣхъ не только по Божескимъ, но и по человѣческимъ законамъ, слѣдовательно война преступна. Но если бы мы

стали примѣнять такую одностороннюю логику ко всѣмъ явленіямъ человѣческой жизни, то мы дошли бы до такихъ несообразностей, что признали бы преступными и безусловно добрыя дѣйствія. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого односторонняго силлогизма: причинять человѣку страданія нравственно непозволительно; врачъ, совершая надъ больнымъ операцію или просто ставя ему горчичники, причиняетъ ему страданіе, слѣдовательно онъ совершаетъ дѣло нравственно непозволительное. Ошибка здѣсь въ томъ, что опускается безъ вниманія другая сторона явленія, имѣющая безспорно положительное нравственное значеніе. Если разсматривать войну съ точки зрѣнія идеи самопожертвованія ради блага цѣлаго народа, то нравственная оцѣнка войны получаетъ совершенно иной характеръ. На этой точкѣ зрѣнія и стоитъ церковь, благословляя своихъ чадъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ поправное право.

Война есть зло, но зло не нравственное, если она ведется за правое дѣло; а зло физическое; она есть великое несчастіе, великое испытаніе, посылаемое Богомъ народу. Но таковъ уже законъ жизни грѣховнаго міра: здѣсь путь къ высшему благу всегда идетъ черезъ горе и страданіе. «Да придетъ царствіе Твое!» — вотъ наша непрестанная молитва. Придетъ это царствіе Божіе, достигнутъ люди полнаго осуществленія нравственныхъ идеаловъ Евангелія, и тогда на «новой землѣ» не будетъ ни вражды, ни злобы, ни такихъ ужасовъ, какою является война; тогда «Богъ будетъ всяческая во всѣхъ» (1 Кор. 15, 28).

Проф.-прот. А. Смирновъ.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ ¹⁾

Начавшаяся борьба церковной школы за право своего существованія среди и для русскаго православнаго народа, въ теченіи многихъ — многихъ вѣковъ воспитывавша-

¹⁾ Продолженіе. См. № 6 «Церк. Вѣд.».

тоса Церковію, представляеть много и отраднато, но и не мало печальнаго. Не смотря на всю вражду и самое усиленное противодѣйствіе со стороны не только нашего «прогрессивнаго» общества, но иногда и со стороны самого Правительства, церковно-приходская школа все болѣе и болѣе укрѣплялась и умножалась, пока не достигла современнаго положенія. Предъ судомъ исторіи и всего русскаго народа церковная школа смѣло можетъ нынѣ предстать безъ опасенія быть осужденной въ неблагоустройствѣ. Учебно-воспитательная дѣятельность школы нисколько не ниже, чѣмъ въ другихъ низшихъ народныхъ школахъ. Если въ чѣмъ и страдаетъ церковная школа, такъ это со стороны матеріальной обезпеченности. Объясняется это все тѣмъ же отсутствіемъ надлежащей поддержки со стороны государства и рѣзко выраженной враждой со стороны общественныхъ учреждений. Но съ другой стороны нельзя не смѣнить и отрицательныхъ явленій. Прежде всего, — далеко не всѣ представители православнаго духовенства оказались на высотѣ пониманія врученнаго ему важнаго дѣла и вообще на высотѣ своего пастырскаго служенія. Многими не только рядовыми священнослужителями, но и ихъ руководителями все церковно-школьное дѣло разсматривалось и разсматривается не съ той идейной точки зрѣнія, на которую указалъ Императоръ Александръ III въ своемъ обращеніи къ духовенству, а исключительно съ точки зрѣнія матеріальныхъ условій, въ которыя школа была поставлена и находится до сего времени. Такимъ образомъ испытаніе, на которое православное духовенство было вызвано Царемъ-Миротворцемъ, для многихъ оказалось неудачнымъ. А потомъ дѣятельность православнаго духовенства въ церковно-школьномъ дѣлѣ оказалась не настолько плодотворной, чтобы измѣнить взгляды на дѣло народнаго образованія нашего образованнаго общества. Хотя въ этомъ значительная доля вины лежитъ въ тѣхъ обстоя-

тельствахъ и условіяхъ, которыми обставлена была дѣятельность церковной школы, — но мы не можемъ не указать и на то, что и въ средѣ православнаго духовенства нашлось немало лицъ съ тѣмъ же міровоззрѣніемъ, что и образованное наше общество. Это обстоятельство имѣеть тѣмъ большее значеніе, что враги Церкви и ея школы стремились и стремятся при всякомъ удобномъ случаѣ въ своихъ выступленіяхъ противъ церковной школы опираться именно на эту часть православнаго духовенства. Даже болѣе того; среди православнаго духовенства нашлись лица, которыя съ тою же ревностію, что и враги изъ другого лагеря, — не церковнаго, — вооружались и вооружаются противъ церковной школы, какъ такого именно типа народнаго просвѣщенія, какъ врагъ будто бы народнаго «прогресса».

Вотъ въ разгаръ смуты нашей духовной Господь и послалъ нынѣ всѣмъ христіанскимъ міромъ переживаемое испытаніе. Рука благого промысла Божія отнята отъ міра, и люди оказались какъ бы предоставленными самимъ себѣ, своимъ силамъ. Гордый тѣми великими приобретеніями ума и воли, которыя выставлялись какъ доказательство чуть-ли не всемогущества человѣка — *образованнаго, просвѣщеннаго, неустанно прогрессирующаго*, — современный намъ міръ и поставленъ въ необходимость проявить въ своихъ дѣяніяхъ и стремленіяхъ всю жизненность, всю благотворность тѣхъ началъ своего просвѣщенія, на которыхъ, казалось всѣмъ, только и можно было строить государственную и общественную, и семейную, умственную и нравственную жизнь человѣчества. И все, что нынѣ совершается предъ испуганнымъ человѣчествомъ, — все это свидѣльствуетъ, что *просвѣщеніе* человѣчества страдало и страдаетъ крайнею односторонностію, что въ немъ отсутствуетъ самое главное, — именно то, что сдерживало и сдерживаетъ въ человѣкѣ звѣря, что возвышало и возвышаетъ въ человѣкѣ истинно человѣческія и божественныя начала, что

самого человѣка ставило всегда и должно ставить превыше всего окружающаго его міра. Нѣтъ Бога въ сердцѣ озвѣрѣлыхъ людей, не слышно голоса Божія въ совѣсти людской, гремятъ огнемъ и мечомъ одни только самолюбіе, гордыня, своекорыстіе; все забыто—не только высшее божественное, но и земное, естественное въ человѣкѣ. Почему? Потому, что въ теченіи многихъ десятилѣтій воспитывалось человѣчество, особенно же та часть его, которая нынѣ особенно ярко проявляетъ свое озвѣрѣніе, безъ Бога, безъ Его закона, и только по указаніямъ человѣческаго разсудка,—воспитывалось не для Бога, не для высшей небесной жизни, а для земли, для здѣшней скоротечной жизни, для обладанія возможно большими благами, возможно болѣе широкими чувственными удовольствіями. И то, чего опасался нашъ простой народъ, на что онъ указывалъ въ своихъ немудрыхъ сѣтованіяхъ какъ на причину, вслѣдствіе которой вновь и широко насаждаемая у насъ школа не нравилась ему,—теперь сказывается въ жизни народовъ въ самомъ широкомъ масштабѣ. Всѣмъ гонителямъ церковной школы, устрояемой и живущей первѣе всего на основахъ вѣчной истины, и дается нынѣ самое опутительное указаніе къ чему школа вообще и тѣмъ болѣе народная должна стремиться и какой предметъ обученія и воспитанія долженъ почитаться въ системѣ школы первѣйшимъ. Православному духовенству совершающимся у всѣхъ на глазахъ событіями должно всемірно воспользоваться для того, чтобы прежде всего самихъ себя, а потомъ и всю свою паству убѣдить, что школа, стоящая подъ всегдашнимъ руководствомъ церкви, въ своемъ ученіи не подвергающаяся разнымъ, тѣмъ болѣе случайнымъ измѣненіямъ (въ родѣ, напр., перемѣны министерствъ), и является единственно вѣрною воспитательницею и наставницею души подростающаго поколѣнія.

Вотъ почему мы съ особой настойчивостію и призываемъ пастырей Церкви не

только со всѣмъ пастырскимъ усердіемъ охранять, укрѣплять и усовершенствовать существующія церковныя школы, но и увеличивать ихъ всемірно. Знаемъ всю безотрадную нашу дѣйствительность, знаемъ всю скорби и печали, окружающія пастыря церкви въ его школьномъ трудѣ. Но, не смотря на это, все-таки усердно призываемъ ихъ къ расширенію церковно-школьнаго дѣла. Совершенно справедливы слова архіепископа Парижскаго, сказанныя имъ въ тяжелое время гоненій во Франціи на церковныя школы, когда ихъ закрывали усиліями безбожнаго правительства цѣлыми тысячами: «теперь церковныя школы нунѣ церкви: будутъ школы, будутъ церкви; а если закроются школы, то заростетъ дорога и въ разрушающіяся церкви». Необходимо помнить: тѣ, кто сейчасъ воюетъ противъ церковныхъ школъ, потомъ, добившись ихъ закрытія, будутъ гнать и Законъ Божій изъ земскихъ школъ и придется снова открывать школы церковныя, но уже въ храмахъ. Придется вновь начинать дѣло, которое уже потребовало отъ духовенства много, много трудовъ и которое теперь, благодареніе Богу, достигло уже значительныхъ успѣховъ. Нынѣ сосредоточены всѣ усилія враговъ церкви, использовавши благоприятно для ихъ беззаконія и самодурства сложившіяся обстоятельства,—къ тому, чтобы разными лишеніями довести церковныя школы до samozакрытія. Православному пастырству, не только памятующему, но и на себѣ испытывающему, что во время гоненій крупнѣе только сила воли, выговывается твердость и убѣжденность, и необходимо въ противовѣсъ вражескимъ усиліямъ и злохуленіямъ использовать всѣ средства, въ его власти находящіяся,—а эти средства,—особенно нравственнаго характера, велики еще, чтобы церковную школу вездѣ, гдѣ только есть хоть маленькая возможность, насадить. Необходимо своею дѣятельностью вырвать изъ рукъ враговъ церковной школы прежде всего такое ору-

же, которымъ они пользуются и не мало смущенія вносятъ въ общественное сознаніе; именно: «само-де духовенство не любитъ церковно-приходскихъ школъ; оно только боится говорить открыто объ этомъ». Истинному пастырю церкви подобное доказательство ненужности церковныхъ школъ должно быть особенно обидно. Ибо, «если духовенство не любитъ духовныхъ школъ (тоже, что и церковныхъ), то оно, значитъ, само не духовно,—оно не «духовенство», а только, выражаясь словомъ одного изъ архипастырей,—жалкій сбродъ людей, надѣвшихъ рясы ради сквернаго прибитка. Представьте себѣ солдатъ, которые не любятъ воинскихъ упражненій. Развѣ это будутъ солдаты? Если же имѣются служители церкви, которые не любятъ церковныхъ школъ, то это величайшее уродство,—ясно такіе служители церкви абсолютно не возможны, они должны немедленно отойти въ сторону отъ церковнаго дѣла». «Не обращайтесь же, не будемъ обращать вниманія на клеветы всякихъ татарсымаковъ (такъ татары называютъ людей, склонныхъ къ магометанству, дружныхъ съ татарами),—будемъ дѣлать свое дѣло»¹⁾. Вездѣ таковыя татарсымаки существуютъ, но они всего чаще проявляются тамъ, гдѣ болѣе всего говорятъ и обнаруживаютъ прогрессивность. У нашихъ несчастныхъ прогрессистовъ не рѣдкость, что, напри- мѣръ, земства, руководимыя исключительно третимъ элементомъ и отдавшія всю народную жизнь въ распоряженіе людей этого сорта, оказываютъ значительную матеріальную помощь татарскимъ школамъ (медресе) и съ непостижимою яростію и издѣвательствомъ нападаютъ на церковныя школы. А потому—нужно вести борьбу съ таковыми татарсымаками на всѣхъ путяхъ

ихъ жизни, не давая имъ возможности властвовать надъ душою народною. Особенно трудно православному духовенству и всѣмъ руководителямъ церковно-школьнаго дѣла было и будетъ, когда составлялись школьныя сѣти и когда въ жизнь народную будетъ дѣйствительно проводится всеобщее обученіе. Если нынѣ дѣйствующее направленіе въ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія укрѣпится, если при обсужденіи вопроса о всеобщемъ обученіи, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ о народномъ просвѣщеніи будетъ все дѣло народнаго просвѣщенія сдано на благоусмотрѣніе или вѣрнѣе на произволъ самоуправленій, если при разрѣшеніи этихъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни будетъ забываться, какъ это именно теперь дѣлается, православная Церковь и то, что русское государство пока еще православное,—то православному духовенству въ его дѣятельности и пастырской и народно-просвѣтительной придется претерпѣть не мало скорбей. Этого нельзя скрывать или отвергать. Къ этому необходимо готовиться. И готовиться нужно именно самымъ усиленнымъ трудомъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, не только ничего не уступая изъ того, чѣмъ оно уже владеетъ, но и постепенно и настойчиво отвоевывая занятю самоуправствомъ самоуправленій. И конечно всего менѣе необходимо подавать поводовъ къ утвержденію, что «само духовенство не любитъ церковныхъ школъ». Необходимо помнить,—это говоримъ тѣмъ, которые въ сдачѣ церковныхъ школъ земствамъ не видятъ ничего опаснаго для церкви и для самого духовенства,—что, отвоевавши церковныя школы и низводя къ нулю самостоятельную, независимую дѣятельность духовенства въ области народнаго образованія, наши такъ называемые прогрессисты, несомнѣнно, пойдутъ дальше и будутъ добиваться, чтобы изгнать духовенство совсѣмъ изъ народной школы и провозгласить, что религиозно-нравственное воспитаніе дѣтей не дѣло

¹⁾ «Руководство для сельскихъ пастырей» № 46, стр. 246—250. Письмо преосвященнѣйшаго Уфимскаго Андрея. Мы нарочито привели слова преосвященнѣйшаго Андрея главнымъ образомъ въ виду того, что за послѣднее время его именемъ стали особенно часто пользоваться враги церкви и церковной школы.

школы, а семьи, что преподаваніе Закона Божія въ школахъ излишне. Вѣдь и теперь уже объ этомъ великіе и малые прогрессисты (напримѣръ земскіе учителя) поговариваютъ. А что будетъ, когда они увидятъ себя полными побѣдителями? Нынѣ очевидно время борьбы и самой усиленной работы.

Православному духовенству необходимо обратить особенно серьезно вниманіе на учрежденіе школъ для дѣвочекъ. Нѣтъ нужды доказывать, какое великое значеніе имѣетъ для жизни народа правильное христіанское и церковное воспитаніе женщины. Достаточно указать на то, что современный намъ расколъ держится почти исключительно женщиной, ея приверженностію къ старинѣ, какъ всегда и вездѣ къ охранѣ въ жизни семьи преданій, установленныхъ порядковъ. То же значеніе женщины замѣчается и въ сектанствѣ. Вотъ почему православному пастырству съ особенной энергіей необходимо сосредоточить свою просвѣтительную дѣятельность именно въ средѣ женской. При этомъ нужно имѣть въ виду, что народъ почти вездѣ недоволенъ совмѣстнымъ обученіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и матери поэтому въ большинствѣ съ большой неохотой отдають своихъ дѣвочекъ въ школы и стараются при первой же возможности брать ихъ изъ «совмѣстныхъ» школъ. Женская церковная школа пріобрѣтаетъ особенную любовь прихода, если въ ней, кромѣ обычныхъ предметовъ обученія, — еще преподается какое-либо рукодѣліе.

Конечно, нельзя скрывать, что учрежденіе и женскихъ церковныхъ школъ встрѣтитъ множество затрудненій и опять-таки вслѣдствіе существованія школьных сѣтей, а съ ними неизбѣжно связанныхъ тѣхъ или иныхъ отношеній къ разнымъ самоуправленіямъ.

Но при нуждѣ, — вслѣдствіе полной невозможности имѣть надлежаще устроенную школу, необходимо заботиться объ учрежденіи или возобновленіи такъ называе-

мыхъ катихизаторскихъ школъ или попросту занятій съ дѣвочками и взрослыми въ храмѣ хотя бы только въ дни праздничные. Настойчивая просвѣтительная дѣятельность приходскаго духовенства въ этомъ направленіи, несомнѣнно, быстро скажется самыми благими послѣдствіями въ жизни приходской и многое, о чемъ теперь можно только мечтать, возможно будетъ осуществить сравнительно легко и безъ тѣхъ реформъ прихода, о которыхъ такъ настойчиво говорятъ любители этихъ реформъ.

Епископъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О порядкѣ церковныхъ чтеній Евангелія ¹⁾.

(По поводу «отступовъ» текущаго года).

Семнадцатая недѣля Матвеева. — *Воздвиженскія отступки.* — Въ настоящемъ (1915—16) пасхальномъ году, начавшемся самою раннею Пасхою (22 марта), имѣлъ мѣсто рѣдкій уставный случай: была прочитана на своемъ мѣстѣ не только вся 17 седмица Матвеева, но и *недѣля* 17-я (6 сентября), т. е. зачало 62: **О женѣ хананейскѣ.** Въ небольшомъ по размѣрамъ «Сказаніи» I этому зачалу посвящено довольно большое замѣчаніе, изложенное (т. е. переведенное), къ сожалѣнію, столь неудачно, что было бы напраснымъ трудомъ найти въ немъ подлинный смыслъ, безъ помощи греческаго текста. Вотъ эти строки, цитируемая во всѣхъ пособіяхъ и руководствахъ по уставу и служащая единственнымъ основаніемъ для ученія о внутрь-Пасхѣ и внѣ-Пасхѣ: —

И оубо седминадесять седмицъ, събоготъ и недѣль чѣмъ имѣхъ, за же маижда

¹⁾ Окончаніе. См. «Церк. Вѣд.» № 7.

поверхностно, необдуманно, наудачу, кое-какъ, а, наоборотъ, всячески заботиться и напрягать всё наши усилія къ тому, чтобы въ нашей жизни не было ничего по-поверхностнаго, легкомысленнаго, непродуманнаго, случайнаго, безцѣльнаго.

Какъ, повидимому, просто, немудрено и легко жить такой поверхностной жизнью! Говорить, не принимая ничего къ своему сердцу, мыслить безъ напряженія, что случайно забредетъ въ нашу голову, перебивать сердцемъ то, что намъ случайно подвернется, избѣгать всего серьезнаго и всякой вдумчивости въ нашей жизнедѣятельности... Но за то какъ все это пагубно для нашей внутренней духовной жизни! Вредъ отъ этого настолько великъ, что мы никогда не будемъ въ состояніи опредѣлить его во всемъ его объемѣ и силѣ.

Итакъ, тотъ только можетъ навъкнуть высокой духовной наукѣ — молиться *изъ глубины сердца нашего*, кто навъкъ полной и всегдашней серьезности въ своей душевной жизни и чуждъ всякой въ ней поверхностности и легкомысленнаго въ ней отношенія, кто научился сосредоточивать все свое душевное вниманіе на памятованіи о Богѣ и «помыслахъ божественныхъ», а особенно на памятованіи о своемъ неизбежно предстоящемъ ему часѣ смертнаго и страшнаго судѣ Божию.

Въ такомъ именно душевномъ настроеніи божественный пророкъ и псалмопѣвецъ Давидъ навъкъ молиться Богу и въ дѣйствительности «изъ глубины» (своего сердца) выывалъ онь молитвенно къ Богу: «Господи, Господи, услыши голосъ мой! Да будутъ уши Твои внимательны къ голосу моления моего. (А) если беззаконія усугубить будешь (во мнѣ) Господи, Господи, то кто устоитъ (предъ Тобою). Но у Тебя очищеніе есть (отъ грѣховъ моихъ)» (Псал. СХХІХ, 1—3).

Архіепископъ Антоній, Тверской и Кашинскій.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ ¹⁾.

XV.

Школа—великое, могучее орудіе человѣческаго совершенствованія. Это сознаютъ все болѣе и болѣе повышенныя требованія. Но какъ бы хорошо и цѣлесообразно ни была организована школа, она никогда не сможетъ отвѣтить на всё требованія жизни, не сможетъ удовлетворить ни качествомъ, ни количествомъ сообщаемыхъ своимъ питомцамъ свѣдѣній все болѣе и болѣе осложняющуюся жизнь. Вотъ почему и необходимо при организаціи школы больше всего обращать вниманіе на тѣ ея стороны, которыя бы способствовали развитію въ питомцахъ добрыхъ навъковъ,—того именно направленія въ дѣятельности духовныхъ силъ человѣка (мышленія, чувствъ и воли), которое бы вполнѣдствіи само уже влекло человѣка по пути всесторонняго совершенствованія. Эта цѣль достигается какъ содержаніемъ преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ, такъ и способами преподаванія и усвоенія этихъ предметовъ.

Въ ряду предметовъ первое мѣсто во всякой школѣ, тѣмъ болѣе въ низшей и средней, должны занимать тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ наибольшее вліяніе на чувства и волю человѣка. Всегда должно придавать такое именно значеніе этимъ предметамъ, но въ особенности въ такія времена, какъ теперь переживаемое, когда отъ человѣка требуется именно высокое развитіе воли и нравственности. Вотъ почему болѣе чѣмъ когда-либо необходимо въ наше время обратить самое высокое, самое напряженное вниманіе на преподаваніе Закона Божія и всѣхъ другихъ предметовъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ. Поколеблены устои нравственной жизни. Ослабѣло въ значительной степени сознаніе нравствен-

¹⁾ Продолженіе. См. № 9 «Церк. Вѣд.».

наго долга. Замѣтно усиливается подчиненіе воли низменнымъ, болѣе животнымъ, чѣмъ человѣческимъ чувствованіямъ и страстямъ. И это потому, что забывается Законъ Божій и Его велѣнія. Нельзя скрывать отъ себя и отъ всего образованнаго общества, что именно въ настоящее время темныя силы, работающія противъ христіанства (масонство и еврейство), напрягаютъ всѣ средства, чтобы устранить изъ школъ и самой жизни Законъ Божій какъ учебно-воспитывающій предметъ въ школьной системѣ и вмѣсто него подставить такъ называемый автономный нравственный законъ.

Обращаясь къ современной намъ дѣйствительности, мы не можемъ не видѣть, что современная школа оказывается наиболѣе слабой именно въ преподаваніи Закона Божія. Нашъ образованный классъ всего менѣе знакомъ съ вѣрученіемъ христіанскимъ, съ Св. Писаніемъ и, конечно, съ богослуженіемъ. Слабо, поверхностно усвоенныя знанія по этимъ предметамъ въ школахъ быстро улетучиваются изъ памяти и сознанія бывшихъ учениковъ. Всмотрѣваясь въ явленія жизни именно среди образованнаго класса, невольно приходишь къ убѣжденію, что Законъ Божій, когда-то изучавшійся въ школахъ, повидимому, совершенно не коснулся ни сердца, ни воли учениковъ, по крайней мѣрѣ—не оставилъ болѣе или менѣе замѣтныхъ слѣдовъ въ этихъ областяхъ духовной жизни человѣка. Всѣ мнѣшіе себя образованными, пресвѣщенными людьми, несомнѣнно, прошли школьные курсы, учили Законъ Божій, слушали лекціи по Закону Божію, сдавали экзамены, зачеты и т. п. И что-же? Все это осталось далеко-далеко позади, все позабыто и притомъ позабыто такъ основательно, что даже самыя элементарныя знанія изъ Закона Божія (хотя бы даже, напримеръ, молитвы, основныя понятія о вѣрѣ, надеждѣ и любви) исчезли изъ сознанія, стали совершенно чуждыми духовной жизни человѣка. Приходится съ горечью

убѣждаться, что ничто такъ скоро и такъ всесторонне не забывается, какъ именно Законъ Божій и все съ этимъ предметомъ связанное. Гдѣ-же причина этого печальнаго явленія?

Отвѣтъ легко найти, если повнимательнѣе всмотрѣться въ то, какъ этотъ важнейшій предметъ преподается въ школахъ.

Возьмите низшія школы. И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ школахъ, Законъ Божій разсматривается только, какъ предметъ изученія, усвоенія умомъ, памяти. Существуетъ для каждаго учебнаго года учебная программа по Закону Божію. Эту программу нужно пройти и болѣе или менѣе успѣшно проходить. И только. Именно такъ проходятъ. Забывается совершенно та существенная особенность этого предмета школьнаго обученія и воспитанія, которая ставитъ его въ разрядъ и высшихъ предметовъ и наиболѣе необходимыхъ для жизни. Для внимательнаго законоучителя всегда должно быть яснымъ, что Законъ Божій недостаточно хорошо, даже вполне основательно выучить, что, захватывая этимъ предметомъ область ума, въ то же время и въ той-же, если еще не въ болѣе мѣрѣ необходимо подчинить усвоенію ученію и чувство и волю. Необыкновенно ярко встаютъ предъ умственнымъ очами тѣ люди, о которыхъ Спаситель сказалъ: приближаются ко мнѣ люди, устами чтутъ они Меня, а сердце ихъ далеко отстоитъ; всеу чтутъ Меня. Всеу трудятся всѣ тѣ, кто полагаютъ и полагаютъ, что они исполнили и исполняютъ свой законоучительскій долгъ, если заставятъ учениковъ выучить все положенное по программѣ. Невелика эта программа въ начальной школѣ и при самомъ посредственномъ усердіи законоучителя не трудно ее выполнить законоучителю, видящему свой долгъ только въ томъ, чтобы пройти начертанное въ программѣ. Но эта программа, имѣющая въ виду на всю жизнь научить ученика Бога молиться, заповѣди Его знать и на дѣлѣ исполнять, имѣющая цѣль—дать ученику

непоколебимое руководящее начало тоже на всю жизнь,—становится великой и требующей отъ законоучителя самого напряженного вниманія и великаго труда. Существуетъ не мало разнообразныхъ методическихъ руководствъ по Закону Божію; не мало было и есть разговоровъ на собраніяхъ законоучителей о томъ, какъ лучше всего преподавать Законъ Божій. Иначе сказать—не мало приложено усилій къ тому, чтобы облегчить какъ преподаваніе Закона Божія, такъ и усвоеніе учениками уроковъ по этому предмету. Но въ большинствѣ случаевъ совершенно при этомъ забывается, что Законъ Божій—не русскій языкъ и не ариметика, что этотъ предметъ для того, чтобы быть дѣйственнымъ началомъ жизни, нуждается и теперь, т. е. во время усвоенія, и потомъ всегда въ непрерывномъ, изнутри человѣка идущемъ возбужденіи, что такого возбужденія для своего проявленія въ дѣятельности, какое имѣютъ всѣ другіе предметы въ непрерывно текущей и вызывающей на опредѣленные отклики жизни, Законъ Божій не имѣетъ, если только онъ не заложенъ глубоко въ сердца, въ совѣсти, въ волѣ (хотя бы только въ формѣ привычекъ) человѣка. Жизнь постоянно требуетъ отъ учившагося въ школѣ, чтобы онъ читалъ, считалъ, и онъ волей-неволей долженъ помнить то, чему его научили въ этихъ областяхъ; даже болѣе,—онъ долженъ усовершенствоваться во всѣхъ этихъ знаніяхъ и навыкахъ. Не то совершенно въ отношеніи къ усвоенному ученикомъ изъ Закона Божія. Жизнь не только не проявляетъ своихъ принудительныхъ требованій, чтобы человѣкъ думалъ, чувствовалъ и волилъ такъ, какъ учитъ Законъ Божій, какъ указывается заученнымъ по этому предмету,—но, напротивъ, чаще всего противоборствуетъ всему усвоенному въ школѣ по Закону Божію. Пояснить это, конечно, совершенно излишне: у всѣхъ вѣдь все на виду. Если нерѣдко бываетъ среди учившихся въ школахъ, вслѣдствіе отсутствія

упражненій, возвратъ безграмотности, то нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что учившіеся забываютъ молитвы, заповѣди, Святое Евангеліе... Такая забывчивость бываетъ и тогда, когда въ школѣ усердный законоучитель. Чего-же нужно ожидать отъ той школы, гдѣ законоучительство совершается съ небреженіемъ?

Въ средней школѣ—положеніе Закона Божія, какъ именно предмета воспитывающаго по преимуществу,—еще несовершеннѣе. Несомнѣнно, не мало усердныхъ и съ значительнымъ успѣхомъ занимающихся законоучителей въ этой школѣ. Мы даже готовы признать, что таковыхъ значительное большинство. Но пусть—сами эти законоучителя скажутъ—какое-же вліяніе ихъ и преподаваемаго ими Закона Божія на учениковъ въ жизни. Съ необыкновенною жадностію ловишь всѣ тѣ рѣдкія, крайне рѣдкія явленія, которыя говорятъ, что бывшіе ученики съ любовью вспоминаютъ своего законоучителя, съ любовью и стараніемъ истинно христіанскими стараются построить свою жизнь по указаніямъ Закона Божія, по бывшимъ въ дни отрочества и юности наставленіямъ законоучителя. А какъ долго сохраняются тѣ знанія, которыя усвоены,—согласно указаніямъ программы,—по Закону Божію? Какой потомъ, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, наблюдается интересъ къ заученнымъ когда-то знаніямъ по Закону Божію? Тяжело становится на душѣ, когда видишь, что въ старшихъ классахъ учащіеся забываютъ всѣ пройденное въ младшихъ,—забываютъ даже молитвы. Ясно, что такіе ученики именно тѣ люди, о которыхъ Спаситель сказалъ, что они сердцемъ далеки отъ Него; ясно, что такіе ученики и въ то время, когда отбѣчали своему законоучителю молитвы, ихъ не знали, ибо не молились, ибо не представляли—для чего они выучиваютъ эти молитвы. Много вины въ такихъ болѣе чѣмъ грустныхъ явленіяхъ лежитъ на организаціи современной школы, на томъ крайне стѣсненномъ подо-

женіи, въ которое поставленъ законоучитель. Но не мало вины лежитъ и на законоучителяхъ, понимающихъ свой долгъ,—долгъ законоучительства, односторонне, именно только какъ учительство.

Въ послѣднее время появился особый классъ законоучителей, сосредоточивающихъ главнѣйшее свое вниманіе на томъ, чтобы ученики все усвоенное *понимали*. Таковые законоучители стремятся избѣгнуть укоровъ, такъ часто бывшихъ и существующихъ,—въ томъ, что ученики безсознательно заучиваютъ. Несомнѣнно, стремясь достигнуть вполне сознательнаго усвоенія учениками преподаваемаго по Закону Божію, таковые законоучители къ добродушію, для жизни полезному стремятся, особенно, если при этомъ они не забываютъ явленій изъ современной жизни, объясняя ихъ или имѣя или другія положенія изъ Закона Божія. Но нельзя не отмѣтить въ законоучительствѣ таковомъ и отрицательныхъ и опасныхъ чертъ. *Увлеченіе разсужденіями* на темы изъ Закона Божія легко можетъ перейти къ тому, что Божественное въ преподаваемомъ предметѣ прикроеся человѣческимъ, и на первомъ мѣстѣ въ сознаніи учениковъ будетъ поставленъ авторитетъ человѣческаго разсудка, Законъ Божій перестанетъ быть таковымъ,—именно Божіимъ, именно закономъ непреложнымъ, непремѣняемымъ, даннымъ свыше въ совершенномъ видѣ. Есть другая опасность, по мѣстамъ уже и наблюдаемая: именно, излишнее господство во всѣхъ вопросахъ разсудка; а отсюда не далеко и до такого руководящаго положенія: что не можетъ быть усвоено разсудкомъ, того и не должно быть. Совсѣмъ мало утѣшительнаго въ томъ, что ученики приучатся впереди всего ставить—начало: прежде всего надо обсудить, а потомъ заучить; какъ много у насъ народилось такъ наз. резонеровъ, смѣло пускающихся въ разсужденія о такихъ вопросахъ, которые, составляя *тайну*, недоступную для ума человѣческаго, усваются только вѣрою. Постоянное стремленіе опи-

раться въ своемъ Богопознаніи и познаніи Его законовъ на разсудкѣ создаетъ неизбежно врага для вѣры. Безъ вѣры невозможно угодить Богу. Безъ вѣры нельзя знать Закона Божія. Здѣсь именно—начало рационализма и протестантства.

Къ сожалѣнію, и такое только что указанное законоучительство не можетъ похвалиться благими послѣдствіями: прошедшіе курсы ученія по Закону Божію подъ руководствомъ названныхъ законоучителей точно также забываютъ Законъ Божій и всего меньше руководствуются въ жизни уроками Закона Божія, если только не имѣтъ въ виду усвоеннаго въ школѣ легкомысленнаго отношенія къ вопросамъ вѣры.

Что сказать о преподаваніи богословскихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Здѣсь эти науки по степени къ нимъ вниманія со стороны учащихся—послѣднія. Лекціи въ большинствѣ слабо, очень слабо посѣщаются; экзамены по нимъ сдаются шуточно, совсѣмъ не серьезно. О томъ, чтобы преподаваемые профессорами-богословами знанія имѣли потому руководящее значеніе въ жизни,—нѣтъ и рѣчи, не выражается даже и намѣреній. Введены богословскія науки въ кругъ университетскаго и иного высшаго образованія—*такъ*, для формы. Къ сожалѣнію, иной разъ приходится наблюдать, что и сами профессора-богословы смотрятъ на свои науки и на свою просвѣтительную дѣятельность такъ же, какъ и студенты. Теплохладность къ своему дѣлу доходить иногда до крайняго безразличія въ отношеніи къ главному и существенному вопросу: что же и какъ усвоили студенты изъ того, что *должны* они усвоить, какое направленіе приняли ихъ умъ, чувство и воля въ богословской области вѣдѣнія? Если въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній забываютъ усвоенное въ младшихъ классахъ, то въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уже *все* старательно забывается; даже больше—знанія по Закону Божію замѣняются воль-

комыслиемъ, отрицаніемъ и нерѣдко открытымъ безбожіемъ.

А вѣдь у насъ идетъ рѣчь о важнѣйшемъ предметѣ не только въ кругу другихъ предметовъ, не только въ области теоретическаго развитія человѣка, но и въ области практической, даже больше—именно въ этой области. Слишкомъ грустное и тяжелое явленіе. Оно становится еще тяжелѣе, если мы признаемся, что и нашъ законоучительскій міръ на всѣхъ ступеняхъ своихъ постепенно приучается смотрѣть на себя и на свое дѣло такъ же притупляюще, какъ обычно смотритъ и такъ называемый нашъ интеллигентный міръ. Конечно, большинство законоучителей сознаютъ неправильность создавагося для нихъ положенія; даже иногда пытаются протестовать. Но, къ сожалѣнію, слѣдя нашей общерусской привычкѣ—нѣтъ и все сваливать на непреодолимыя причины и препятствія, всего менѣе стремятся использовать для возвышенія своего положенія и положенія своего предмета въ ряду другихъ предметовъ всѣ тѣ еще существующія довольно благоприятныя условія, которыя при настойчивомъ и умѣломъ пользованіи всегда могутъ создать для законоучителя не мало возможностей для нравственнаго воздѣйствія на учениковъ. Конечно, всѣ знаютъ, что всѣ наши учебныя заведенія—православныя; всѣ знаютъ, что въ уставахъ этихъ заведеній точно выражены и указаны цѣли религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся; и начальство, и учащіе, и учащіяся знаютъ, что извѣстные требованія въ отношеніи къ Церкви и ея установленіямъ должны по закону исполняться всеми. Всѣ это знаютъ, но исполнять не исполняютъ, а о.о. законоучители *стѣсняются* настаивать на исполненіи закономъ установленныхъ церковныхъ требованій. Уступая въ этомъ духу времени, о.о. законоучители постепенно доходятъ до уступокъ и въ болѣе тѣсной своей области законоучительской (напримѣръ хоть въ вопросахъ о молитвахъ, о ходженіи учени-

ковъ къ богослуженію и т. д.); бывають въ жизни и такія уступки (особенно въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ), что законоучитель въ своихъ офѣисахъ успѣховъ своихъ учениковъ долженъ руководствоваться соображеніями, совершенно далекими (и, нужно сказать, унижительными) отъ педагогическихъ. Постепенно—усиліями такъ называемаго *духа времени* вѣдряется въ сознаніе о.о. законоучителей убѣжденіе, что Законъ Божій, какъ предметъ обученія, — второстепенный предметъ, и «ба-тющка» въ сознаніи учениковъ совершенно теряетъ то значеніе, которое онъ долженъ имѣть. Такъ и создалось для многихъ законоучителей и ихъ предмета то незаконное, вѣрнѣе противозаконное положеніе, которое для общества стало уже какъ бы узаконеннымъ. И теперь приходится бороться за то, что по праву принадлежитъ. Эта борьба въ значительной степени осложнилась въ послѣднее время учрежденіемъ «родительскихъ комитетовъ». Какое значеніе придается нашимъ *обществомъ* этимъ комитетамъ, не трудно понять изъ того одного, что они всемірно поддерживаются исключительно одними такъ называемыми прогрессивными партіями. Немаловажнымъ показателемъ въ этомъ отношеніи служитъ и то, что въ руководители комитетовъ выбираются почти всегда люди самаго «прогрессивнаго» направленія, хотя бы они и не имѣли дѣтей, а иногда ин-вѣрцы и даже евреи. Печальная наша дѣйствительность уже дала намъ достаточно фактовъ для того, чтобы судить, къ чему поведутъ въ дальнѣйшемъ «родительскіе комитеты», которые по идеѣ повидимому должны бы быть только полезными. На обязанности православнаго пастырства лежитъ обратить особенно серьезное вниманіе на это учрежденіе и съ особенною старательностію разъяснять пасомымъ, къ какому печальному послѣдствію приведетъ это учрежденіе, если только оно останется въ рукахъ людей противцерковныхъ и противогосударственныхъ. А о.о. законо-

учители должны, во имя спасенія юныхъ душъ, вѣрренныхъ ихъ руководству, ихъ воспитанію, твердо стоять на стражѣ предоставленныхъ закономъ имъ правъ и безбоязненно защищать высшіе интересы школы и высшія ея цѣли.

Мы не имѣемъ въ виду заниматься вопросомъ методики по Закону Божію. Наша цѣль обратить вниманіе православнаго пастырства на ту дѣйствительность въ одной изъ существенныхъ областей пастырской дѣятельности и именно законоучительской, которая не можетъ быть не названа печальной; вмѣстѣ съ этимъ настойчиво пригласить пастырей къ самой усиленной дѣятельности на этомъ поприщѣ. Но, устраняя себя отъ болѣе или менѣе подробнаго развитія вопроса о методикѣ преподаванія Закона Божія во всѣхъ школахъ, мы считаемъ возможнымъ и безполезнымъ остановить вниманіе о.о. законоучителей на слѣдующемъ.

Преподаваніе Закона Божія въ начальныхъ и среднихъ школахъ, особенно же въ первыхъ, будетъ много плодотворнѣе, если учащіеся будутъ находиться въ непрерывномъ общеніи съ Церковію, если преподаваемое въ школѣ будетъ закрѣпляться богослуженіемъ, участіемъ въ немъ учениковъ въ качествѣ пѣвцовъ, чтецовъ и прислуживающихъ. Молитва въ школѣ, чтеніе святаго Евангелія съ объясненіемъ прочитаннаго, постоянное напоминаніе о необходимости молиться—ежедневно утромъ и вечеромъ дома, напоминаніе не однимъ учащимся, но и ихъ родителямъ и воспитателямъ, исполненіе всѣхъ установленныхъ церковныхъ, истовое совершеніе богослуженія,—все это, сопровождаемое явно выраженной любовью къ дѣтямъ,—несомнѣнно будетъ прочно закрѣплять въ сердцѣ дѣтскомъ то, что долженъ дѣлать православный христіанинъ, все это постепенно создаетъ опредѣленный навыкъ, привычку.

Особенно же серьезное значеніе для цѣлей прочнаго религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей и взрослыхъ пасомыхъ

будутъ имѣть долженствующія существовать во всѣхъ приходахъ, согласно указамъ Святѣйшаго Синода, вѣроучительныя и внѣ-богослужебныя собесѣдованія. Опытъ говоритъ намъ, что таковыми собесѣдованіями, ведомыми въ самыхъ простыхъ формахъ, особенно надѣжно закрѣпляются уроки по Закону Божію въ сердцахъ учащихся и также надѣжно и успѣшно изучаются Законъ Божію и взрослые¹⁾. Устроеніе таковыхъ собесѣдованій и вообще народныхъ чтеній въ дни праздничныя съ общенароднымъ церковнымъ пѣніемъ будетъ способствовать не только устраненію изъ жизни народной многихъ дурныхъ привычекъ, но и усвоенію и пониманію христіанскаго вѣроученія и нравочученія.

Памятуя, что вѣра безъ дѣлъ мертва, о.о. законоучители много-много добраго внесутъ въ жизнь народную и въ то же время много поспособствуютъ воспитанію въ учащихся добрыхъ истинно-христіанскихъ навыковъ, непрестанно дѣйствующаго настроенія, если будутъ приучать дѣтей къ благотворительности съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Пусть учащіеся, по приглашенію законоучителя, въ дни сельскихъ праздниковъ, помогутъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ товарищей—кто чѣмъ можетъ. Пусть дѣти образуютъ изъ себя общество для охраны птицъ, для уборки школы, храма. Жизнь такъ многообразна, что при внимательномъ отношеніи къ своему высокому и отвѣтственному дѣлу—каждый, буквально *каждый* законоучитель и въ каждомъ учебномъ заведеніи найдетъ и случай и возможность вызвать дѣтей—своихъ учениковъ на добродѣланіе, на проявленіе любви къ Богу и ближнимъ и вмѣстѣ съ этимъ найти средства или способы практическія, жизнен-

¹⁾ Мы не говоримъ подробно объ этихъ собесѣдованіяхъ, а отсылаемъ къ практическому «Руководству для священнослужителей» Нечаева, стр. 111—147—этой настольной книгѣ священнослужителей, а равно къ объяснительной запискѣ о преподаваніи Закона Божія по программамъ церковно-приходскихъ школъ.

нѣтъ примѣромъ подтвердить и укрѣпить души, въ совѣсти учащихса тѣ истины, которыя изучены на урокахъ въ отвлеченной формѣ.

Современность наша, къ сожалѣнію, бо- га крайне тяжелыми явленіями именно въ жизни учащагося юношества. Немало при- носитъ пороковъ. Въ значительной степени юности юношества осквернена, причѣмъ не только въ воображеніи, но и на дѣлѣ. Борьба съ этими явленіями при развитіи насъ развращающей литературѣ крайне затруднительна и при неумѣнн да- же опасна, но она безусловно необходима. Особенно должны обращать на себя внима- ніе законоучителей—самоубійства, развратъ, увлеченіе ученіемъ Л. Толстого и Ницше, произведенія такихъ писателей, какъ Бердяевъ, Сологубъ, Вербицкая, Андреевъ и др., имъ подобные. Соціализмъ, принижающій человеческую жизнь до простого земного явленія на ряду со всѣмъ животнымъ мі- ромъ точно такъ же не можетъ быть замал- чиваемъ законоучителемъ.

Раскрывая предъ учащимися книгу вѣ- чнаго живота и черпая изъ этой книги все необходимое для уясненія явленій текущей жизни, законоучитель внесетъ въ свое пре- подаваніе тотъ же, даже еще больший инте- ресъ которымъ отличаются другіе предме- ты обученія и вмѣстѣ съ этимъ дастъ душѣ молодой и необходимое оружіе для само- охраны отъ зла. Необходимо только пом- нить, что нынѣ много, очень много боль- ныхъ душъ даже среди юношества и отро- чества, а потому необходимы великая остро- внимательность, мудрость, искренность и дѣйстви- тельная готовность быть вѣрнымъ и искус- нымъ помощникомъ для нуждающихся въ помощи и нравственномъ укрѣпленіи. Вни- майте себѣ и ссему стаду. Все яснѣе и яснѣе вырисовываются предъ современ- нымъ человечествомъ тѣ опущенія, кото- рые сдѣланы въ прошедшемъ именно въ области воспитанія и обученія. Часто со- временники наши сѣгуютъ на то, что люди стали нынѣ какъ-то мельче душией, что

нѣтъ прежнихъ дѣльныхъ натуръ, нѣтъ крѣпости тѣлесной и душевной. И эти сѣтова- нія совершенно справедливы. Жаль только, что и сѣгующіе и не сѣгующіе всего менѣе обращаютъ вниманія на опредѣленіе дѣй- ствительныхъ причинъ, порождающихъ «вы- рожденіе» человечества. Изъ памяти по- слѣдняго постепенно исчезаютъ событія и явленія былыхъ временъ. Что учило му- жеству во времена героическія? Что со- здавало былымъ людямъ всѣхъ ступеней и сословій и у всѣхъ народовъ ореолъ не- обыкновеннаго мужества, непоколебимой твердости характера? Безъ сомнѣнія, *вера*. Иногда ложная, въ ложныхъ боговъ, но крѣпкая вѣра увлекала людей на изуми- тельные подвиги и гражданскіе и религіоз- ные. Мы преклоняемся предъ проповѣдни- ками Евангелія въ странахъ дикихъ, среди людей грубыхъ, жестокихъ. Мы и удивляемся миссіонерскому подвигу среди страшныхъ лишеній и опасностей. Гдѣ они, эти великіе свѣтоносцы, гдѣ они черпали и черпаютъ силу для одолѣнія людского невѣжества, человеческой несмышленности, грубости, жестокости? Конечно, въ вѣрѣ, охватившей всѣ силы духа и всѣмъ этимъ силамъ при- давшей полное единство и неуязвимую крѣпость. И наша русская исторія говоритъ намъ о томъ же. Достаточно вспомнить хотя бы только въ бѣгломъ обзорѣ прой- денный русскимъ народомъ великій путь, чтобы предъ нами воскресли всѣ наши великіе подвижники богатыри духа, чтобы предъ нами всталъ во весь свой великій ростъ весь нашъ русский православный на- родъ, въ ору и любовь къ Церкви Божіей, трудомъ во имя Божіе строившій Державу Россійскую. Вѣдь и нынѣ, онъ, русскій на- родъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ сыновъ, одухотворяемыхъ и укрѣпляемыхъ тою же вѣрою, тамъ на поляхъ страшныхъ битвъ выковываетъ свободу и земное счастье себѣ и своимъ братьямъ.

Никто такъ отчетливо не можетъ чув- ствовать, чѣмъ жива душа народная, какъ пастырь Церкви. Пусть же онъ и стоитъ

безстрашно и непоколебимо на стражѣ народнаго духовнаго богатства, той великой духовной зиждительной силы, которая Русь вскормила и вспоила, которая ее, Русь Святую, всегда охраняла и спасала. Вѣра православная да будетъ всегда для нашего народа свѣтомъ, и согрѣвающимъ и освѣщающимъ пути жизни. Съ самаго ранняго дѣтства да залагаются смена этой вѣры. Школою пусть они возвращаются для жизни, и въ жизни народной да служатъ источникомъ мира, любви и благочестія. Къ труду великому, къ труду плодотворнѣйшему зоветъ нынѣ Церковь Божія всѣхъ, наипаче пастырей своихъ.

Православные русскіе пастыри никогда не отходили отъ народа, тѣмъ болѣе въ дни испытаній и разныхъ потрясеній. Они всегда были на стражѣ святая святыхъ народной души. Нынѣ особенно, повторяемъ, дни лукавы и враги Христова Царства прилагаютъ всѣ усилія, чтобы потрясти основы этого царства, поколебать устои, на которыхъ зиждется вся жизнь и вся будущность цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Господь нынѣ въ громѣ и молніяхъ войны указываетъ на грѣхопаденія и отступленія людей отъ вѣчной божественной истины. Необходимо воспользоваться днями испытаній, дабы и себя и пасомыхъ укрѣпить въ Законѣ Божіемъ, призывая всѣхъ поучаться въ немъ день и ночь. Трудъ предстоитъ великій, но онъ долженъ быть исполненъ.

Епископъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великая отечественная война и церковная жизнь въ 1914—1915 г.г. *)

VII.

Распоряженія и дѣйствія Святейшаго Синода въ заботахъ о бѣженцахъ.

Эвакуація западныхъ епархій и помощь бѣженцамъ: помѣщеніе, денежное пособіе, церковный сборъ. — Епархіальные Комитеты и предста-

*) Продолженіе. См. № 9 «Церк. Вѣд.» с. г.

вители духовнаго Вѣдомства при главноуполномоченныхъ по устройству быта бѣженцевъ. Духовная помощь бѣженцамъ. — Распорядительныя мѣропріятія. — Бѣженцы духовные. — Всероссийское Общество попеченія о бѣженцахъ и организация епархіальной помощи. — Особое Свѣщаніе по устройству бѣженцевъ и особая пріемъ Комиссія по удовлетворенію духовныхъ нуждъ бѣженцевъ. — Сдѣйствіе перемисіи бѣженцевъ. — Обращеніе къ епархіальнымъ просвѣщеннымъ оберъ-прокурора А. Н. Волжина.

Еще въ самомъ началѣ войны, согласно мобилизаціоннымъ предположеніямъ, изъ пограничныхъ епархій были вывезены внутрь Россіи, изъ наиболѣе угрожаемыхъ мѣстъ святыни и церковныя цѣнности и размѣщены въ предудказанныхъ заранѣе мѣстахъ¹, не вызывая въ общемъ какихъ либо затрудненій.

Предпринятая лѣтомъ 1915 года эвакуація всей нашей западной границы породила новое и весьма сложное явленіе въ государственной и церковной жизни — бѣженство, вызвавшее со стороны высшей духовной власти цѣлый рядъ экстренныхъ и сложныхъ распоряженій и мѣропріятій.

Двинулись со своихъ мѣстъ сразу и спѣшно епархія варшавская, гродненская, литовская, рижская, холмская, произошедшая весьма замѣтная подвижка въ епархіяхъ волынской, кievской, минской, подольской, подоцкой, а отчасти и другихъ — сосѣднихъ съ ними. Эвакуація производилась въ предудказанныя заранѣе мѣста, но ея спѣшность и непредвидѣнно-болыше размѣры вызвали необходимость напряженныхъ усилій какъ при подъемѣ съ мѣстъ и движеніи такъ и въ особенности при водвореніи на новыхъ мѣстахъ.

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна обратила вниманіе на крайне затруднительное положеніе эвакуированнаго изъ Риги рижскаго свято-троице-сергіева женскаго монастыря, пріютившагося временно около станціи варшавской желѣзной дороги Плюссъ, въ тѣсномъ зданіи школы, и выразила пожеланіе о помѣщеніи монастыря въ зда-

¹ Журналы Св. Синода 1914 г. №№ 41, 42, 43, 44, 45, 48, 50, 57; опредѣленія 2 и 16 сентября 1914 г. №№ 7092, 8352.

Посыѣшились къ обѣднѣ богомольной
И на солдацки слезушки они смотрѣли
И за походнаго солдатушка молились».

Скорбная мать, сестра, жена, скорбная
Русь въ одномъ находить источникъ ду-
ховной бодрости:

«Я пойду да въ Божью церковь посвященную,
И помолюсь да я Богу отъ желаньца,
Штобъ Господи Владыка-свѣтъ помиловалъ
И Пресвятая Мати Богородица заступилась,
И утолила бы печаль неутолимую
И утолила бы тоску неугасимую,—
И на моемъ да на безчастномъ ретливомъ
сердцѣ.

*И тутъ головушка моя да возвеселится,
И кручинника моя да утишается
И тутъ злодій эта обида поуходится»¹⁾.*

А вотъ и самая молитва:

«И спаси, Господи, Русію подселенную,
И благовѣрнаго царя Ты Русійскаго»...
«И сраженьице война да уходилась бы,
И порознесло бы дымъ да по чистымъ полямъ,
И горестъ-чадъ да по лугамъ бы по зеленымъ»...

Пусть бы вдумались въ эту тысячелѣт-
нюю мудрость Креста, усвоенную народомъ
нашимъ, тѣ, которые теперь теряютъ рав-
новѣсіе духа отъ приступовъ злобы, осу-
жденія, отъ жажды мести и борьбы, направ-
ляемой, увы, не на врага внѣшняго, а на
своихъ собственныхъ братьевъ внутри Рос-
сіи... Пусть бы вдумались въ эту мудрость
тѣ, которые, заявляя о ненависти къ Виль-
гельму, однако, открыто признаютъ, что у
него надо учиться этому презрѣнію ко всемъ
духовнымъ, религіознымъ основамъ жизни,
и всѣ упованія возлагаютъ на внѣшнюю
технику и на внѣшнюю организацію жизни...

Если управлять жизнью, разсуждать о
ней и направлять ее, это значить предви-
дѣть, то нельзя не предвидѣть одного: на-
родъ, забывшій о небѣ, недостойнъ жить на
землѣ, нельзя не предвидѣть, что народы,
потерявшіе духовныя основы жизни и за-
мѣнившіе ихъ только внѣшнимъ устрое-
ніемъ, рано или поздно придутъ къ неиз-
бѣжной гибели. И народы Европы, теперь
зажегшіе и поднявшіе пожаръ войны все-
мірной, потерявшіе самымъ дѣломъ связь
съ христианствомъ, презрѣвшіе слово крест-
ное, все равно обречены гибели. Это такъ

¹⁾ Причитанія Сѣвернаго Края Е. В. Барсова.
Ч. II. Приводятся стихи, конечно, для печати,
а не для произнесенія въ проповѣди.

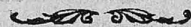
же несомнѣнно, какъ предсказаніе о закатѣ
солнца, хотя бы и сказанное въ моментѣ
его восхода. Но по слову поэта-христианина
«другой странѣ смиренной, полной вѣры и
чудесъ, Богъ отдастъ судьбу вселенной
власть земли и гласъ небесъ» (Хомяковъ)

Пусть даже случится то, что мы отвер-
гаемъ всѣми силами души,—пусть мы по-
страдаемъ въ войнѣ, потерпимъ уронъ ли-
шенія—мы все-таки не можемъ, не должны
и всенародно и отъ имени народа обязаны
сказать, что мы и не въ силахъ отречься
отъ слова крестнаго.

Мы не должны забыть мудрости Креста,
зная, что Крестъ есть символъ страданія,—
но увѣнчаннаго воскресеніемъ, то есть пол-
ною и всеовершенствою побѣдою. И что бы
ни случилось, побѣда въ концѣ концовъ
будетъ непременно удѣломъ того народа,
который сумѣетъ сохранить при всѣхъ ис-
пытаніяхъ, ударахъ, при всѣхъ соблазнахъ
перейти на путь только мірекихъ, но про-
тивохристіанскихъ успѣховъ, слово крест-
ное.

Слово крестное только для погибающихъ,
хотя бы и не сознающихъ этой гибели и
видящихъ только успѣхи въ жизни, юрод-
ство есть, а для спасаемыхъ насъ сила Бо-
жія есть. Аминь.

Протоіерей **І. Восторговъ.**

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ¹⁾

XVI.

Богослуженіе (общественное и частное),
проповѣдь и школа—вотъ главнѣйшія обла-
сти пастырскаго дѣйствованія. Ими, пови-
димому, и должно-бы исчерпываться пастыр-
ское служеніе. Въ нихъ и должна бы вы-
разиться вся внимательность пастыря къ
себѣ и своему стаду. Но жизнь паствы и
самыхъ пастырей такъ разнообразна и такъ
часто видоизмѣняется, что ограничить па-

¹⁾ Продолженіе. См. № 10 «Церк. Вѣд.» с. 1.

пастырскую дѣятельность только что указанными областями невозможно. Особенно это нужно сказать о дѣятельности сельскихъ пастырей. Приходскому священнику, являющемуся среди народа въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ единственнымъ образованнымъ человѣкомъ, кругозоръ котораго шире и вѣрнѣе окружающей среды, по необходимости приходится быть для всѣхъ—всѣмъ. Къ кому пойдетъ крестьянинъ съ своими сомнѣніями хотя бы и въ вопросахъ экономическаго характера? Кто, по мнѣнію того же крестьянина, разъяснитъ, гдѣ правда и гдѣ ложь въ разныхъ проникающихъ и въ массы народныя общественно-политическихъ ученійхъ, какъ не «батюшка»? Такая близость и такое непрерывное и всестороннее общеніе пастыря и пасомыхъ, возникшія съ первыхъ же временъ Христовой Церкви на Руси, не только не унижаютъ пастырскаго служенія, не только не ослабляютъ пастырскаго авторитета, но и возвеличиваютъ и самымъ существеннымъ образомъ укрѣпляютъ его. Къ ослабленію этой именно связи между православнымъ духовенствомъ и народомъ теперь и направлены всѣ усилія враговъ, Церкви и правильнаго и мирнаго развитія народной русской жизни.

По-истинѣ—пастырь долженъ быть всѣмъ для всѣхъ. Въ настоящее же время, когда явно для всѣхъ происходитъ переломъ жизни народной во всѣхъ ея сторонахъ, такая всесторонность пастырской дѣятельности является даже безусловною необходимостію. Нынѣ много новаго, существенно измѣняющаго жизнь народную, внесено и вносится какъ въ кругъ общественно-экономическихъ взаимоотношеній населенія, такъ и въ самое міровоззрѣніе народа. Разрушеніе общинной жизни и народнаго хозяйства, отрубное земледѣльство и все, съ нимъ связанное въ области церковной и школьной, развитіе такъ называемыхъ коопераций и учреждений мелкаго кредита, только что наступившая, пока вынужденная тревость, ведущая за собою неизбѣжно усиленіе народнаго благо-

состоянія и исканіе особыхъ занятій въ дни, свободные отъ земледѣльчества и съ нимъ связаннаго труда, все болѣе и болѣе усиливающееся вліяніе капитала и стремленіе его, объединившись въ возможно крупныя единицы, охватить всѣ виды промышленности и труда, проникновеніе повсемѣстно въ экономическую жизнь народа еврейства съ его особенностями какъ въ пріемахъ, такъ и въ конечныхъ цѣляхъ экономической и финансовой дѣятельности,—все это настолько серьезно для всей будущности русскаго народа и въ то же время настолько неотвратимо именно въ настоящее время, что всѣ силы народа, а тѣмъ болѣе болѣе развитыя и благожелательныя для народа, должны нынѣ же развить наиболѣе широкую, всю возможную дѣятельность. И мы видимъ, что народъ, не смотря на разные и во многихъ случаяхъ отрицательныя вліянія, сознательно и настойчиво ищетъ руководственной и иной помощи и такого же сотрудничества со стороны православнаго духовенства. И духовенство идетъ на встрѣчу народу въ указанныхъ отношеніяхъ. Правительство точно также съ большою доброжелательностію относится къ участию православнаго духовенства въ устроеніи экономической жизни народа на новыхъ началахъ.

Все это, повторяемъ, неизбѣжно и необходимо. Такое отношеніе духовенства къ народившимся и нарождающимся новымъ нуждамъ и явленіямъ въ жизни народной слѣдуетъ только привѣтствовать. Но, привѣтствуя и указывая на необходимость сотрудничества духовенства въ указанныхъ областяхъ жизни народной, мы не можемъ, на основаніи уже выяснившихся многихъ явленій, не предостеречь пастырей Церкви о необходимости—быть крайне осторожными, внимательными къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ должна протекать совмѣстная съ представителями народа дѣятельность ихъ въ разныхъ учрежденіяхъ экономическаго характера. Необходимо помнить, что и эти учрежденія не остались внѣ самаго настоя-

чиваго стремленія использовать ихъ въ цѣляхъ противогосударственныхъ и противоцерковныхъ. Живущіе среди народа на каждомъ шагу могутъ это видѣть. Есѣ, конечно, слышали, какъ извѣстныя партіи боролись и борятся противъ выхода населенія изъ общины на отрубъ, пользуясь для этого и тѣмъ, что дѣйствительно составляетъ слабую сторону этой великой реформы, и тѣмъ, что должно разжигать народныя страсти. Равнымъ образомъ — всѣ внимательные къ явленіямъ нашей современной жизни должны видѣть, къ какимъ, на словахъ прикрываемымъ, но на дѣлѣ осуществляемымъ цѣлямъ стараются наши прогрессисты направить дѣятельность *кооперативовъ и кредитныхъ учреждений*. Русскіе люди, понимающіе сокровенныя цѣли капитализма и ясно представляющіе все и вся разлагающую и порабощающую экономическую дѣятельность еврейства, съ великой тревогой смотрятъ на усиливающееся господство объединяющагося капитала и просачиваніе, въ послѣднее время особенно успѣшное, еврейской дѣятельности во всѣ области народной жизни. Опасности здѣсь великія, и православному духовенству нужно принять всѣ мѣры, чтобы и реформы и самое развитіе жизни народной шли только на пользу народа и не создавали благоприятныхъ условий для потрясеній политической и церковной жизни народа. Тѣмъ болѣе — ему, духовенству, нужно быть въ сторонѣ отъ такой дѣятельности, направляемой противъ мирнаго развитія народа и благихъ начинаній въ его жизни. Но кромѣ этой опасности — быть вовлеченными вольно или невольно въ сѣти нынѣ въ изобиліи расплодившихся своеобразныхъ благодѣтелей народа, для духовенства въ его сельско-хозяйственной дѣятельности могутъ быть (и бывають уже) и другія, если и не опасности, то серьезныя неприятели. Больше всего, кажется, создаютъ эти неприятели — кредитныя товарищества и имъ подобныя учрежденія. Дѣло въ томъ, что желаній всѣхъ удовлетворить, конечно

нельзя. Тѣмъ болѣе не справедливы явленія и исканія, а ихъ всегда немало. Отсюда — появленіе въ приходѣ недовольныхъ священниковъ, особенно если они стоятъ во главѣ учрежденія. А затѣмъ — разныя происки и наконецъ жалобы епархіальному начальству. При этомъ наблюдается, что жалобы, особенно если страсти на мѣстахъ разгораются до значительныхъ размѣровъ и среди прихожанъ появятся *особаго характера* ревнители высоты пастырскаго служенія и чистоты нравовъ среди духовенства (конечно, православному только), — тщательно скрываютъ дѣйствительныя причины недовольства священниковъ и нерѣдко, очень нерѣдко прибѣгаютъ къ явной клеветѣ. Строгая законность, безусловное безпристрастіе и дѣйствование не единолично, а, какъ требуютъ того уставы учреждений, въ согласіи съ установленными совѣтниками въ данномъ учрежденіи, своевременная и точная отчетность, — все это, если и не всегда, но несомнѣнно, все-таки оградить личность и трудъ труждающихся на пользу общества отъ несправедливыхъ нареканій и злословій.

Немало смущенія въ среду духовенства вносится и разнообразіемъ отношеній къ общественно-экономической дѣятельности пастырей какъ со стороны духовныхъ властей, такъ и со стороны такъ называемаго общественного мнѣнія. Извѣстно, что одни изъ властей въ названной дѣятельности готовы видѣть чуть ли не одну изъ важнѣйшихъ обязанностей приходскаго духовенства, а другія — совершенно отрицательно относятся къ выступленіямъ его на этомъ поприщѣ. Въ рядѣхъ тѣхъ, кто создаетъ общественное мнѣніе, нужно сказать, очень мало лицъ или вѣрнѣе — голосовъ, сочувствующихъ таковой дѣятельности духовенства. Послѣднее понятно — громче всѣхъ у насъ теперь говорятъ тѣ, кто борется съ Церковію и кому поэтому особенно неприятно и нежелательно усиленіе вліянія православнаго духовенства на жизнь народную. Руководственнымъ на-

чаломъ для практическаго разрѣшенія возникнушаго вопроса — о томъ или другомъ участіи духовенства въ разныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, обслуживающихъ нужды сельскаго населенія, — должно быть одно: это участіе полезно или вредно для пастырскаго служенія? Вполнѣ безпристрастное отношеніе къ дѣлу должно отвѣтить на этотъ вопросъ только утвердительно. Если и возможно говорить о вредѣ, то развѣ принимая во вниманіе только тѣ случайности, которыя свидѣтельствуютъ о возможности слишкомъ большого увлеченія занятіями въ кредитныхъ учрежденіяхъ со стороны священниковъ, — именно до забвенія прямыхъ пастырскихъ обязанностей или до явнаго предпочтенія имъ указанныхъ занятій. Этого, конечно, нельзя оправдать, нельзя и допускать. Но съ другой стороны нельзя признать правильнымъ и цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія пастырскаго служенія и то, если на зовъ прихожанъ, обращенный къ священнику придти помочь въ дѣлѣ новомъ, дѣлѣ сложномъ, въ дѣлѣ, въ значительной своей степени основанномъ на высокихъ нравственныхъ началахъ, гдѣ требуется и справедливость, — часто не одна формальная, и внимательность, полная любви, — населеніе получить отказъ или запрещеніе. Нужно помнить, что совѣтниковъ и руководителей много найдется. Но вѣдь нужны руководители, для которыхъ благо населенія выше всего и доброе расположеніе которыхъ къ населенію вѣдъ всякихъ сомнѣній.

Еще больше смуты въ умахъ православнаго духовенства народилъ вопросъ, какъ оно должно относиться къ народившимся у насъ политическимъ партіямъ. Правда, основные законы, устрояющіе законодательныя учрежденія, явно говорятъ, что православное духовенство должно участвовать какъ въ выборахъ членовъ въ эти учрежденія, такъ и въ дѣятельности послѣднихъ. А если такъ, то, значить, каждый священнослужитель долженъ знать, что и какъ онъ долженъ дѣлать какъ во время выбо-

ровъ, такъ и въ самихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Иначе сказать — обязанъ имѣть опредѣленные взгляды на подлежащее его обсужденію и даже рѣшенію государственные и общественные вопросы и умѣть проводить ихъ въ жизнь. Но и въ этотъ ясный вопросъ у насъ мнимые ревнители каноновъ, высоты и чистоты пастырскаго служенія внесли столько тьмы, джи и кривотолковъ, что порой православное духовенство прямо таки не знаетъ, какъ ему поступать въ исполненіи своего гражданскаго долга.

Партій, какъ извѣстно, у насъ теперь, къ печальной славѣ нашихъ законодательныхъ учреждений, ничуть не меньше, если еще не больше, чѣмъ на западѣ. Названіе, а для большинства и ученіе ихъ заимствованы съ запада. Мы и тутъ остались вѣрными влеченіямъ своего рабски настроеннаго духа. Есть у насъ правые, центръ, лѣвые, правѣйшіе и лѣвѣйшіе. Почему одни называются правыми, а другіе лѣвыми, — собственно трудно понять. Если такія названія присвоены тѣмъ или другимъ членамъ законодательныхъ учреждений по мѣсту, которое занимаютъ они въ залахъ этихъ учреждений, то вѣдъ это сущая бессмыслица, — если смотрѣть на сидящихъ отъ председателя, то одни будутъ на правой его рукѣ, а другіе на лѣвой, а если смотрѣть на председателя, то правые будутъ лѣвыми, а лѣвые правыми. Но какъ бы то ни было названія усвоены. Теперь спрашивается, куда же должно направляться православное духовенство? Вотъ тутъ-то и произошла у насъ разногласица поистинѣ, какъ выражаются, — *трагикомическая*. Если бы православное духовенство пошло на лѣво, то, вѣроятно, наши глашатаи общественнаго мнѣнія ни единымъ звукомъ не обмолвились бы о канонахъ и о другихъ подобныхъ предметахъ. Но вотъ бѣда — большинство представителей православнаго духовенства сѣло направо! Во время выборовъ въ Думу и Совѣтъ — оно стоитъ за представителей правыхъ партій. Вотъ и поднята шумиха: духовенство-де не должно

заниматься политикой и тѣмъ болѣе политиканствомъ! Это-де запрещается канонами, это ведетъ къ разстройству приходской и всей вообще церковной жизни, это деунижаетъ духовенство, православіе. Даже болѣе: нашлись и такіе, что стали увѣрять, что само Св. Писаніе противъ политики! Кто же первый возревновалъ о канонахъ и о всемъ другомъ? Кто такъ возлюбилъ церковь православную и самоотверженно ринулся на защиту ея чистоты и ея авторитета? Конечно, тѣ, кто давнымъ давно и въ жизни, и въ душѣ своей объявилъ войну церкви, кто не зналъ и не знаетъ канонѡвъ, кто осквернилъ и оскверняетъ церковь не только грѣховностію своею, но и явнымъ предательствомъ. Впереди всѣхъ на защиту церкви выступили евреи и ихъ подголоски, газеты и журналы, гдѣ чуть-ли не ежедневно высмѣивается и оскверняется все церковное. И пошли всѣ эти пѣвцы церковной чистоты и законности, простите за выраженіе, насвистывать и тѣхъ, кто болѣе всего долженъ бы знать дѣйствительную, истинную подкладку ревности этихъ пѣвцовъ. И что-же? Среди православнаго духовенства нашлись, правда, немногіе, но, къ сожалѣнію, не всегда невліятельные, которые тоже заговорили о томъ, чтобы православное духовенство не занималось политикой и политиканствомъ, тоже стали на разные лады повторять насвистанные имъ мотивы о канонахъ, о запрещеніи Господомъ и Апостолами заниматься политикой—и т. п. предметахъ. Что люди, искренно и всѣмъ своимъ существомъ желающіе устранить православное духовенство (и въ то же время *никакое другое*) отъ такъ назыв. политики, непрестанно об этомъ говорятъ и взываютъ къ разнаго рода авторитетамъ и власти имущимъ о запрещеніи духовенству политиканствовать, и главнымъ образомъ—поддерживать правыхъ,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь если бы желанія ихъ исполнились, весь народъ оказался бы въ ихъ рукахъ! Но какъ понять тѣхъ изъ право-

славнаго духовенства, которые имъ вторять? Оговариваемся: мы прекрасно знаемъ лѣвый лагерь, знаемъ и искусство, здѣсь парящее,—чужія мнѣнія подъ свои подводить въ надеждѣ, что не всегда будутъ опровергать ложь, и людей, далеко, далеко стоящихъ отъ этого лагеря, къ своимъ единомышленникамъ причислять,—знаемъ, а потому увѣрены, что далеко не всѣ, кому прогрессивныя газеты приписываютъ мнѣнія, осуждающія политику среди духовенства, такъ въ дѣйствительности и думаютъ. Но во всякомъ случаѣ такіе люди есть. Вотъ мы и спрашиваемъ: когда они осуждаютъ участіе православнаго духовенства въ дѣятельности политическихъ партій, думаютъ-ли и знаютъ ли они что нибудь о дѣятельности такихъ святителей русскихъ, какъ митрополиты всея Руси св.св. Петръ, Алексѣй, Иона, Филиппъ, патріархи Гермогенъ, Филаретъ, Никонъ, подвижники—Сергій Радонежскій и др.? Страшивали-ли они когда-нибудь, кѣмъ строилась Русская земля въ теченіи всѣхъ своихъ девяти съ лишнимъ вѣковъ? Кто обличалъ «воровъ» въ смутное время, кто усѣщаль князей въ удѣльное время, кто ѣздилъ по городамъ и храмы Божіи затворялъ за вражду и непокорство Московскому Великому князю? Если исторія для такихъ лицъ не учительница, если основные гражданскіе законы не для нихъ писаны,—то пусть они остановятся на слѣдующемъ. Наши политическія партіи расходятся въ цѣляхъ и средствахъ до противоположности, но всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что они преслѣдуютъ цѣли и пользуются средствами, которыя преслѣдуютъ и которыя одобряетъ весь народъ; при этомъ увѣряютъ, что именно только при такихъ-то цѣляхъ и общественно-политической жизни народа и при пользованіи рекомендуемыми средствами возможно его и развитіе, и благоденствіе, и слава, и богатство. Правда-ли это? Конечно, нѣтъ. Какая-нибудь изъ множества партій, вѣроятно даже многія неправы. Какъ же къ этому нужно отнестись-то? Кто на-

роду, въ большинствѣ рѣшительно незнающему, что это за октябристы, кадеки, социаллисты, прогрессисты, націоналисты и т. п.,—разъяснить все это? Далѣе. Если же нужно вдаваться въ политику, то какъ же быть, кѣмъ же быть? Говорятъ—безпартийными. То-есть что-же это? Развѣ есть или должны быть люди безъ своего мнѣнія, безъ своихъ взглядовъ и даже совсѣмъ безъ мнѣній, мыслей и чувствъ? Вѣдь это бессмыслица. А дѣйствительность говоритъ, что себя называющіе безпартийными въ дѣйствительности—охъ—какіе партийные. А чаще всего—это крайніе себялюбцы, не имѣющіе никакихъ гражданскихъ и иныхъ чувствъ, живущіе текущимъ моментомъ и руководствующіея лозунгомъ: послѣ насъ хоть потопъ. Неужели такимъ должно быть духовенство?

Всѣмъ духовнымъ лицамъ, ратующимъ за безпартийность духовенства, рекомендуемъ остановиться мыслію на такомъ явленіи: почему это—безпартийность не рекомендуется ни ксендзамъ, ни пасторамъ, ни раввинамъ, ни мулламъ, ни ламамъ, а только одному православному духовенству? Почему это прогрессисты, за которыми обычно слѣдуютъ наши духовные, часто мнимые либералы, не осуждаютъ тѣхъ изъ православнаго духовенства, которые пристали или къ октябристамъ или еще полѣвѣе? Вотъ, если попытаемся разрѣшить этотъ вопросъ, то и поймемъ, что не политики и не политиканства въ православномъ духовенствѣ боятся наши мнимые радѣтели каноничности церкви, не это осуждаютъ въ немъ, а то, что оно въ большинствѣ своемъ встало въ ряды т. наз. правой партіи. Вотъ гдѣ суть-то дѣла. Вотъ гдѣ причина воплей и призывовъ на главу политиканствующаго (будтобы) православнаго духовенства разныхъ скорпіоновъ, кромѣ тѣхъ, которые въ видѣ лжи, клеветы и всяческой грязи уже изобильно выливаются нашими прогрессивными писателями.

Значитъ весь вопросъ для православнаго духовенства долженъ заключаться не въ

томъ, нужно ли заниматься, выражаюсь установившимся языкомъ, *политикой*, т. е.—принадлежать къ той или другой партіи, а въ томъ, къ какой именно изъ многихъ существующихъ партій *нужно* принадлежать.

Не будемъ вдаваться въ характеристику существующихъ у насъ партій. Остановимся только на той, къ которой, по нашему мнѣнію, нужно принадлежать и притомъ не одному православному духовенству, а всѣмъ, кто любитъ народъ свой, кто дѣйствительно желаетъ и ищетъ правильныхъ путей для народнаго истиннаго, здороваго развитія и блага. На знаменахъ этой партіи написано—Православіе, Самодержавіе и русская народность. Мы не скрываемъ ни отъ себя, ни отъ другихъ, что эти великія и единственно зиждительныя начала всѣмъ сонмомъ такъ наз. прогрессивной печати опошлены, унижены, и, въ лучшемъ случаѣ, крайне извращены и въ этомъ извращенномъ видѣ приписаны всѣмъ истинно-русскимъ православнымъ людямъ. Сила этого хорового, необычайно громкаго высмѣванія всего дорогаго для рускаго сердца оказалась настолько великою, что многие только подъ влияніемъ именно этого высмѣванія устыдились своего рускаго имени. Всѣ, конечно, знаютъ, какъ изъяснялись слова—истинно-русскій человекъ, русское національное чувство, черная сотня, союзъ рускаго народа. Сколько негодныхъ, въ краску стыда повергающихъ всѣхъ честныхъ людей, издѣвательствъ было произведено и производится надъ этими понятіями на столбахъ газетъ и въ рѣчахъ доморощенныхъ, а иногда такъ и инородческихъ ораторовъ! И къ стыду нашему нужно сказать, что многіе устыдились быть истинно-русскими и въ союзѣ рускаго народа, испугались наименованія—черносотенцами. Устыдившіеся не спросили себя, почему стыдно быть русскимъ, да не поддѣльнымъ, не по имени только, а истиннымъ; почему стыдно быть въ союзѣ рускаго народа, и ничуть не стыдно находиться въ союзѣ съ евреями, финляндцами, грузинами,

армянами, поляками? Что страшнаго и позорнаго въ черной сотнѣ, особенно если кто хоть немного знакомъ съ этимъ наименованіемъ изъ исторіи? Почему лучше красная сотня, вся окровавленная кровію такихъ же братьевъ, идущая противъ всего русскаго? Вообще, нужно признать, что въ *устыдившихся* сказалась одна только слабость духа, пугающагося еще до сихъ поръ разныхъ жупеловъ. Для такихъ слабодушныхъ людей прошла и проходитъ незамѣтной та непослѣдовательность, которая называется на каждомъ шагѣ у нашихъ прогрессистовъ: вѣдь *они стоятъ за народъ*, — почему-же такъ презрительно относятся къ *черной сотнѣ*, къ союзу русскаго народа, гдѣ именно и сосредоточивается преимущественно простой народъ? Вѣдь прогрессисты особенно любовно относятся къ рабочимъ и вполне одобрительно относятся къ ихъ чаще всего всеразрушающимъ забастовкамъ, экспроприациямъ, по-русски разбоямъ и грабежамъ? Почему же они берутся за другую мѣрку, какъ только рѣчь идетъ о земледѣльцахъ, сапожникахъ, портныхъ и иныхъ ремесленникахъ, особенно когда эти послѣдніе, будучи выведены изъ терпѣнія, тоже поднимаются на разрушенія и разоренія. Ужъ если хвалить и радоваться при видѣ забастовочныхъ и экспроприационныхъ выступленій фабричныхъ рабочихъ, которые являются кость отъ кости простого русскаго народа, то, казалось-бы, съ такимъ же умиленіемъ слѣдовало бы смотрѣть и на *погромы*, по вѣнжности и по послѣдствіямъ то же, что разоренія фабрикъ и заводовъ или даже цѣлой Россіи (напр. забастовки на желѣзныхъ дорогахъ, или на почтѣ, или на трамваѣ), а по существу, пожалуй, стоящихъ много выше такъ называемыхъ экспроприаций? Но эта двойственность въ оцѣнкѣ явленій одного и того-же порядка, одинаково тяжелыхъ, печальныхъ и неоправдываемыхъ нравственнымъ закономъ и благомъ государства, многими не замѣчается, и эти многіе падаютъ подъ клеветническими измышленіями нашихъ

освободителей и отрекаются отъ самихъ себя изъ-за ложнаго стыда. Черная сотня, союзъ русскаго народа, — Боже, сколько тутъ позорнаго! Но вѣдь не забывайте, что для иныхъ русскихъ гражданъ, именно тѣхъ изъ нихъ, кои особенно старательно поливаютъ грязью и черную сотню и союзъ русскаго народа, стыдно быть, по ихъ сознанію, русскими; вѣдь еще такъ недавно, во всеуслышаніе одинъ профессоръ русской исторіи заявилъ, что самое имя Россіи нужно вычеркнуть изъ словеснаго обихода! Что же послѣ этого остается дѣлать? Вѣдь ничего уже не опозореннаго у насъ на Руси нѣтъ! Вѣдныя русскіе люди! Но особенно возмутительно, когда люди, носящіе духовный санъ, свернувши съ того пути, по которому только что шли въ своей борьбѣ за свое *новое* направленіе и противъ того, что такъ еще недавно защищали на страницахъ своего печатнаго органа, выступаютъ противъ политики духовенства (архипастырей и пастырей) съ словами Священнаго Писанія. Сколько софизмовъ, сколько жетолкованій этихъ словъ допускается! Мы вовсе не хотимъ идти по этому извилистому пути жетолкованій и увѣреній. Но все-таки спросимъ мудрецовъ сего вѣка, руководящихся всемъ, кромѣ истины и блага народнаго: ну, вотъ вы говорите — «Духъ Святыи поставилъ пасти церковь Господа» пастырей. Въ чемъ же это пасеніе должно состоять? Вотъ видятъ пастырь волка, грядущаго расхитить и распудить ввѣренное ему стадо. Что долженъ дѣлать пастырь? Неужели такъ-таки безъ всякой попытки защитить — онъ долженъ отойти въ сторонку и, соверцательно возводя очи на небо, себя самого утѣшать: у меня, собственно, нѣтъ увѣренности, волкъ это или та же овца; зачѣмъ же я буду въ недруги волку то становиться! Пусть какъ хотятъ, тѣкъ и устраиваются; мое дѣло — носить званіе пастуха — и только! Не то ли же самое, только въ болѣе гнусной формѣ, прилагается любодѣями слова и къ пастырямъ стада словеснаго? Вотъ встали предъ

простымъ или ужъ и не простымъ человѣкомъ представители различныхъ партій. Одни говорятъ—храни всемірно право: ла-е, любви и повинуйся царю, любви своихъ ближнихъ, свой народъ (ибо если ты не любишь своего, то какъ ты можешь любить чужого и тѣмъ болѣе врага). Другіе учатъ: спрось ты, другъ, если хочешь быть передовымъ, какое то тамъ православіе, уйди ты изъ церкви,—этой хранильницы мрака и невѣжества, возстань ты съ дреколѣемъ на Царя и правительство, вооружись огнемъ и ножомъ, грабь, разрушай, жги чужое добро и чѣмъ больше истребишь враговъ нами тебѣ внушаемаго прогресса, тѣмъ лучше будетъ; знай, — нѣтъ ни Бога, ни Его закона, нѣтъ ни грѣха, ни отвѣтственности, все это суебрія и путы, которыя налажены ради тьмы на умы человѣческіе основнымъ и жаднымъ духовенствомъ и т. д. Такъ, вида предъ собою такихъ проповѣдниковъ, православный пастырь,—истинный пастырь, а не наемникъ будетъ себя вопрошать: гдѣ тутъ «критерій кривизны и лѣвизны?» Или «причемъ тутъ лѣвая и правая партіи?» У кого еще совѣсть не затуплена, кто, дѣйствительно, служить дѣлу спасенія своей духовной паствы, тотъ ни на одну минуту не усумнится, съ кѣмъ ему нужно рядомъ встать и съ кѣмъ нужно всемірно бороться. Людямъ, не знающимъ, что есть «правизна и лѣвизна», людямъ, являвшимся и являющимся теплохладными къ добру и злу мы и обязаны тѣмъ, что не только такъ называемая интеллигенція наша ударилась искать «ключи счастья» въ оргіяхъ страстей, но и нашъ рабочий классъ оказался подъ водительствомъ поклонниковъ бомбъ, огня, ножа, воровства и разбоя. Господь възвещетъ съ тѣхъ, кто не знаетъ, вѣрѣе — притворяется, что не знаетъ ни праваго, ни лѣваго пути, за души многихъ-многихъ погибшихъ ¹⁾!

Есть еще способъ отвратить православное духовенство отъ защиты правды и блага народа русскаго. Усиленно уѣждають: противъ кого вы боретесь? Посмотрите, развѣ между лѣвыми нѣтъ благочестивыхъ христіанъ? Развѣ отечество гибнетъ? Враговъ народа нѣтъ. Вѣдь тѣ, кто ведетъ или хочетъ вести васъ за собой, люди своекорыстные, они дѣлають это для самовозвышенія только. «Прямое дѣло духовенства не отечество спасать, которое вовсе не гибнетъ, не враговъ внутреннихъ искать, которыхъ нѣтъ, ни вражду между націями и населеніемъ сѣять, а проповѣдывать Христа, Который ради насъ и нашего спасенія пострадалъ на Голгоевскомъ Крестѣ». Точно приведенныя слова—вотъ ясное свидѣтельство, къ какому недостойному набору словъ прибѣгаютъ люди, когда имъ нужно оправдать свою *новую* службу. Когда, спросите ихъ, появились правыя партіи? Тогда, когда запылала быдо вся Россія иллюминаціями, когда совершилось явное предательство всей Россіи японцамъ, когда Галоны и Носари выписывали гильотины изъ Франціи, что бы и Россія извѣдала времена террора и конвента, когда многіе православные храмы были осквернены, когда университеты были превращены въ революціонные штабъ-квартиры съ продажей оружія и съ невѣроятно развившимся и открыто совершавшимся развратомъ, когда появились «огарки», «лиги любви», «лови моменты», когда многіе изъ знатныхъ лицъ поспѣшили за-границу, чтобы тамъ позорить русское имя и умолять западные народы не давать Россіи денегъ для войны,—тогда... — Ну, да вѣдь извѣстно, когда многіе, многіе русскіе люди встали на защиту церкви, царя и Россіи. Неужели же тогда не было враговъ внутреннихъ, не было и никакой опасности для отечества?

имъ словомъ, но и словомъ Божиимъ доходятъ иныя, побуждаемые къ сему ревностію послужить *новому направлению*, — можетъ служить статья въ знаменитой отселѣ газетѣ «Колоколь» отъ 3 декабря 1915 г. № 2869: «*Архипастыри и политика* нѣкоего протоіерея В. С.».

¹⁾ Образчикомъ того, до чего, омрачившись совѣстью, можно дойти, до какой прямо таки душевной эквилибристики не только сво-

Конечно, ничего этого не было для тѣхъ, кто Россію продавалъ, благосостояніе народа русскаго забастовками и разрушеніемъ уничтожалъ. Всѣмъ, знающимъ нашу печальную дѣйствительность, извѣстно и то, что за свои убѣжденія и за свою правоту, за свою дѣятельность никто такъ не пострадалъ изъ не совершившихъ воровства, грабежей и убійствъ, какъ именно правые. Если кто изъ нихъ и выигралъ въ смыслѣ житейскихъ благъ, такъ только тѣ, кто свои паруса по вѣтру держалъ, кто умѣлъ улавливать моменты. Ну, да вѣдь это такіе же правые, какъ и тѣ, которые теперь совершенно неожиданно для себя вспомнили и Голгосскій Крестъ.

Бываютъ времена въ жизни народовъ, когда даже бездушная природа своими стихійными выступленіями—потрясеніями вопіетъ и къ небу, и къ разуму, и совѣсти людской. Въ эти времена никакъ не могутъ молчать тѣ, у кого душа жива, у кого сердце чуткое, у кого воля воспитана въ добродѣли,—вообще же тѣ, кто измѣны своему долгу не считалъ доблестію, кто «ради сквернаго прибытка» или лучшаго полженія не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, не измѣнялъ ни присягѣ, ни клятвѣ, ни царю, ни отечеству. Нынѣ времена особенно тяжкія: нынѣ идетъ борьба во внѣ, у всѣхъ на виду—между народами за права Божескія и человѣческія и во имя торжества правды, а внутри, въ глубинахъ общечеловѣческой жизни—между ученіемъ Христовымъ и силами ада; нынѣ судъ Христову стаду и испытаніе его преданности Тому, Кто отъ предательства Іудина пострадалъ на Голгосскомъ Крестѣ. И вѣримъ, православное паство не превратится и нынѣ, какъ и встарь, въ наемниковъ и будетъ стоять твердо тамъ и съ тѣми, кто защищаетъ православіе, вѣру Христову, Самодержавіе и народность русскую. Вѣримъ, не повѣритъ оно и голосу тѣхъ, кто часто пѣлъ и поетъ разными голосами.

Епископъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Краткіе очерки новѣйшей бѣглопоповщины.

Предисловіе.

Имя подъ руками собранный нами нѣкоторый запасъ новыхъ свѣдѣній относительно новѣйшей бѣглопоповщины, мы задались цѣлю рѣшить вопросъ о состояніи бѣглопоповщины за послѣдніа двадцать пять лѣтъ (съ 1899—1914 г.г.).

Вопросъ о новѣйшей бѣглопоповщинѣ не безынтересенъ, ибо послѣдователи бѣглопоповщины въ своемъ образѣ жизни и религиозныхъ обрядахъ отличаются нѣкоторыми особенностями.

Мы не беремся утверждать, что для разрѣшенія даннаго вопроса нами исчерпана весь запасъ свѣдѣній касательно новѣйшей бѣглопоповщины.

Можно только то сказать, что для выясненія даннаго вопроса нами собраны всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя можно было собрать вполне свободно.

Матеріалъ, которымъ мы пользовались при написаніи своего сочиненія, извлеченъ нами частію изъ духовныхъ журналовъ, епархіальныхъ вѣдомостей, отдѣльныхъ книгъ, брошюръ, а частію изъ отчетовъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и отчетовъ преосвященныхъ.

Глава I.

Опредѣленіе бѣглопоповщины.—Дѣленіе ея на согласія.—Извѣстія о ней подъ именемъ стариковщины.—Мѣсто распространенія и численность бѣглопоповщины.

Бѣглопоповщина является первоначальной формой раскола; подъ именемъ бѣглопоповщины слѣдуетъ разумѣть раскольниковъ-старообрядцевъ поповщинскаго согласія, принимающихъ къ себѣ для совершенія требъ и богослуженія бѣглыхъ отъ греко-россійской Церкви поповъ.

Новѣйшая бѣглопоповщина или, вѣрнѣе сказать, бѣглопоповщина за послѣдніа двадцать пять лѣтъ своего существованія (съ 1899—1914 г.г.), въ отношеніи дѣленія своего на согласія ничѣмъ не отличается

жизнь останется удѣломъ немногихъ. Но монашество все-таки есть только одинъ изъ видовъ подвижничества православнаго христіанина, хотя и самый высокій и по достоинству цѣнимый въ Церкви, какъ цвѣтъ и плодъ, какъ краса жизни по вѣрѣ, однако, не въ немъ одномъ проявленіе сущности нашей вѣры, какъ аскетической, подвижнической. Подвигъ вездѣ—и въ вѣрѣ, и въ молитвѣ, и въ семьѣ, и въ школѣ, и во всякомъ трудѣ, и во всѣхъ проявленіяхъ жизни, только подвигъ освященный и осмысленный въ православной вѣрѣ и Церкви.

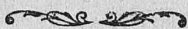
Посему-то и умѣстно не только по историческимъ воспоминаніямъ установленія торжества православія, но и по существу именно во дни святого Поста неизвѣнно напоминать себѣ и другимъ о томъ, что такое наше святое православіе, о томъ, что вѣра наша есть вѣра аскетическая и подвижническая, о чемъ, къ сожалѣнію, такъ часто забываютъ люди, много говорящіе о преобразованіяхъ Церкви православной.

Замѣчательное дѣло: даже среди мыслителей инославнаго запада, даже въ нѣдрахъ самого протестантства мы слышимъ тоскливыя признанія именно указанной нами духовной силы и истины православія. Одинъ изъ выдающихся европейскихъ мыслителей (Шопенгауэръ) говоритъ: «аскетизмъ лежитъ въ основѣ всякой религіи и въ особенности христіанства; съ этой точки зрѣнія католичество есть грандіозное злоупотребленіе христіанствомъ, а протестантство—его полное отрицаніе, и только вѣроисповѣданіе восточныхъ христіанскихъ народовъ удержало истинный духъ христіанства»...

Возрадуемся этому свидѣтельству отъ вѣншихъ. И познаемъ въ радости сердца и святость и спасительность поста съ его постоянными напоминаніями о подвигѣ, о грѣхѣ, о покаяніи, объ Испытателѣ нашемъ, Подвигоположникѣ. И познаемъ въ вѣчное себѣ руководство и назиданіе, что

святая православная вѣра наша есть истину вѣра свободнаго и любовнаго вѣта и духа нашего и тѣла въ борьбѣ зломъ и грѣхомъ, въ насъ живущимъ, въ вѣчнаго и блаженнаго общенія духа нашего съ Духомъ Божиимъ. Аминь.

Протоіерей І. Восторговъ.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ

XVII.

Высоко, многосложно, многотрудно окружено многими опасностями и соблазнами служеніе православнаго пастыря. Когда оно таково. Но особенно много требуетъ къ себѣ вниманія и силъ чело вѣческихъ въ дни смуты духовной, ниспосылаемыхъ Богомъ испытаній, тѣхъ переломовъ въ жизни народовъ, когда въ чащейся рѣшительной борьбѣ между разными началами жизни еще не выяснилась какія изъ этихъ началъ побѣдятъ.

Таково именно и наше время. Борьба между христіанскими началами и язычествомъ нынѣ разрослась до крайнихъ границъ. Повидимому нынѣ родъ чело вѣскій переживаетъ такое же время, какое переживалъ предъ пришествіемъ Спасителя въ теченіе Его земной жизни и въ первыя вѣка Христовой Церкви. Невольно вспоминаются и времена такъ называемаго возрожденія наукъ и искусствъ, когда особенно ярко вспыхнуло со всею увлекательностью древнее язычество, давшее блещущее торжество идеаламъ языческой нравственности и послужившее сѣменемъ для нѣмецкой реформаціи, а далѣе и самой великой французской революціи. Нынѣ какъ особенно нарочито объединились всѣ рѣзкія противоположенныя особенности только что указанныхъ многознаменательныхъ эпохъ чело вѣской исторіи. Потому-то переживаемъ нами время и тяжело для текущей жизни и опасно для грядущаго будущаго. Потому

*) Окончаніе. См. № 11 «Церк. Вѣд.»

и требуется теперь самое высокое на-
 жденіе силъ и самая разносторонняя
 деятельность со стороны тѣхъ, кто всегда
 и долженъ стоять на стражѣ са-
 мыхъ высшихъ благъ человѣчества. Всѣ
 моменты жизни, всѣ ея запросы, всѣ вол-
 нѣнія, колебанія, шатанія людскія, — всѣ
 все нынѣ вызываетъ къ носителямъ не-
 смолкнутой истины и служителямъ Божиимъ:
 протвѣтайте, стойте на стражѣ, обещаетесь
 броню правды, во шлемъ вѣры и ве-
 дете войну неустанно съ врагами Христа,
 Церкви, мирнаго, спокойнаго, но за то
 прочнаго развитія народа. Оберегайте
 ученное вамъ стадо Христово отъ вол-
 ковъ, нынѣ отовсюду и во всякомъ видѣ
 лезущихся на него! Много-много тре-
 буются силы, мужества, вѣры въ свое при-
 званіе, въ свои обязанности, въ силу до-
 вѣренности, въ сладость честно и мужественно
 исполненнаго долга, чтобы съ незапятнан-
 ною и непоколебленною честію устоять и
 торжествовать на страшномъ полѣ совер-
 шающейся нынѣ духовной брани между
 добромъ и зломъ, между свѣтомъ и тьмою!
 И вотъ въ такія времена обычно на-
 помощь врагу истины выступаетъ всегда
 особенно дѣятельный помощникъ, самымъ
 заботливымъ образомъ ослабляющій силы
 защитниковъ.

При видѣ великаго труда защитники
 великаго дѣла начинаютъ оглядываться по-
 сторонамъ и искать и звать себѣ на по-
 мощь кого-либо, говоря самими себѣ и оправ-
 дывая себя въ глазахъ другихъ, — что де-
 ятели силы ничтожны для такой великой
 борьбы; да не всѣ съ нами и идуть-то;
 много недостатковъ и среди защитниковъ
 правды, нужно насъ усилить — улучшеніемъ
 условий нашей жизни; нужны ре-
 формы. И какъ послѣднее, особенно будто
 убѣдительно, а на самомъ дѣлѣ осо-
 бенно непристойное и унижающее человѣка-
 христіанина созвучіе: напрасно люди под-
 нимаютъ шумъ и призываютъ къ борьбѣ
 во имя блага Церкви, ея жизни и спасе-
 ннаго для насомыхъ охраненія, вѣдѣ

Самъ Господь сказалъ: созижду Церковь
 Мою и врата ада не одолѣютъ ей. Слова
 Господни непреложны. Пусть бушуютъ
 страсти, грѣхи и возстанія на Церковь, —
 не побѣдитъ имъ непобѣдимой Церкви...
 Итакъ что же? Пусть все волнуется, все
 бушуетъ, а мы... а мы будемъ ждать,
 пока не придутъ силы у насъ и не ста-
 нутъ великими, въ уровень со зломъ, пока
 насъ реформами не подбодрятъ и новую
 душу и новое сердце не вложатъ. А еще
 лучше — все предоставить на волю Божию.
 Не такъ ли?

Совсѣмъ не такъ. Грозныя силы врага
 составились изъ такихъ же мелкихъ силъ,
 какъ и у слабыхъ духомъ защитниковъ
 правды. Нужно вставшимъ по своему хо-
 тѣнію и Божьему благословенію на стражу
 стада Христова помнить, что Господь, при-
 зывая ихъ на защиту и развитіе въ жизни
 высшихъ началъ, никогда не возлагаетъ
 непосильнаго бремени на рамена челове-
 ческія. Всѣ должны дѣлать и сдѣлать все,
 что могутъ, не зарывая своихъ силъ. И
 эти съ виду иной разъ мелкія дѣла раз-
 дроблены на разныхъ путяхъ жизни, въ
 разныхъ областяхъ ея, въ концѣ концовъ
 сольются въ одно великое дѣло. Пастырямъ
 Церкви, воспріявшимъ благодать Святаго
 Духа въ таинствѣ священства, необходимо
 помнить, что они не будутъ въ ихъ до-
 борѣ дѣланія и посильномъ трудѣ оста-
 влены силами Божиими, — и въ этомъ ве-
 ликое преимущество ихъ положенія! Если
 во время борьбы за Церковь и спасеніе
 ея чадъ сослаться на свою маломощность —
 значитъ зарывать данные Богомъ таланты,
 то что же сказать о тѣхъ или тѣмъ пасты-
 рямъ, которые себя и другихъ хотятъ
 обезоружить указаніемъ, что Церковь, по
 обѣтованію Спасителя, неодолима врагами?
 Прежде всего пусть спросятъ себя такъ
 самоублажающіеся въ своей лѣни — Господь
 далъ обѣтованіе о неодолимости какой
 Церкви? Русской? Греческой? Японской?
 Очевидно, слова Спасителя нужно пони-
 мать, что *вселенская истинная Церковь*

никогда не будетъ одолѣна силами ада, что количество вѣрныхъ этой Церкви Господомъ не указано въ Его обѣтованіи. Одно несомнѣнно, что силы адавы всегда будутъ воевать съ Церковію, будутъ губить неосторожныхъ и незащищаемыхъ никѣмъ сыновъ ея и что слѣдовательно необходима самая усиленная борьба съ этими силами не ради спасенія Церкви, а ради спасенія ея чады отъ хищеній волковъ. Если пастырь Церкви повнимательнѣе отнесется и къ тому, что Спаситель сказалъ, и къ тому, что долженъ дѣлать и къ чему онъ призванъ, то онъ пойметъ—какой великій грѣхъ и какую великую отвѣтственность предъ Господомъ Богомъ несутъ тѣ, кто, зная о злобѣ ада и его постоянной войнѣ съ Церковію изъ за спасенія ея чады, для огражденія которыхъ и пасенія въ единомъ стадѣ Христовомъ именно и поставлены пастыри Церкви, въ то же время не радить о своемъ дѣлѣ, не исполняютъ своихъ обязанностей предъ Богомъ и людьми! Сколько вслѣдствіе этого небреженія и ложнаго и Богопротивнаго самооправданія можетъ погибнуть для Царствія Божія души! Да, Церковь Божию не одолѣютъ никакіе враги. Но, къ сожалѣнію, нельзя этого сказать о людяхъ! Сколько слабыхъ, сколько безвольныхъ, сколько грѣшныхъ, сколько падающихъ среди нихъ! Вотъ для нихъ-то и поставлены пастыри Церкви, дабы они своими наставленіями, постояннымъ призываніемъ даровъ Святаго Духа и Господомъ установленныхъ Таинствъ поддерживали слабыхъ, укрѣпляли безвольныхъ, очищали грѣховныхъ, поднимали падающихъ. Не отказывайтесь, братіе, отъ великаго и святаго труда! Не вводите себя и другихъ, слѣдуя за соблазнительными и льстивыми призывами врага человѣческаго спасенія, въ заблужденіе и въ великій грѣхъ непрестаннаго испытыванія Божія милосердія. Даны Господомъ человѣку разумъ, сердце, свободная воля, дабы онъ могъ содѣлывать свое спасеніе и спасеніе другихъ доброю волею съ полнымъ сознаніемъ. Даны чело-

вѣку великія благодатныя небесныя силы, дабы онъ, слабый, съ испорченной грѣхомъ природой, падая, могъ подняться и вновь вести жизнь о Господѣ, дабы онъ, впадая въ грѣхи, не впадалъ въ то же время въ отчalenіе.

Въ послѣднее время, какъ уже говорено было нами, особенно усердно и крикливо почти исключительно въ дѣвкахъ кружкахъ нашего общества раздаются призывы Провидѣтельства, церковнаго и гражданскаго, къ реформамъ въ церкви. Всѣми силами стараются убѣдить и духовенство и всѣхъ русскихъ православныхъ людей, что безъ реформъ, притомъ коренныхъ и безотлагательныхъ невозможно никакое оживленіе церковной жизни, никакихъ успѣховъ нельзя ожидать въ дѣлѣ борьбы съ разливающимся все болѣе и болѣе зломъ. Для лицъ слабыхъ духомъ, а еще болѣе для лицъ теплохладныхъ къ добру и злу—эти рѣчи о реформахъ настоящая броня: за ними скрываютъ и свое ничего недѣланіе и свою теплохладность, и свое преступное отношеніе ко всему добру.

Несомнѣнно, реформы, способныя устранить нѣкоторые недостатки, вкравшіеся въ жизнь церковно-народную, въ среду пастырскую и даже въ управленіе церковное, нужны. Но—первый вопросъ: значить пока этихъ реформъ нѣтъ или по тѣмъ или по другимъ обстоятельствамъ ихъ нельзя произвести,—ничего для улучшенія жизни народной въ духѣ христіанства нельзя дѣлать? А быть можетъ для иныхъ и не нужно? Вѣдь для немалаго количества русскихъ образованныхъ людей, именуемыхъ кличкой *кадеки*, особенно рьяно требующихъ реформъ церковныхъ,—чѣмъ хуже—тѣмъ лучше. Если же такъ, то возможны ли необходимыя реформы, если дѣйствующее и грядущее поколѣніе не подготовится духовно къ созданію и проведенію этихъ реформъ? Должны же наши реформаторы, больше, конечно, на словахъ и совершенно чуждые духа церковнаго, помнить если не указали церковной исторіи, то хотя бы

событія изъ гражданской нашей же исторіи. Пусть, напримѣръ, вспомнятъ реформы Петра Великаго: кажется, никто такъ много не работалъ надъ преобразованиемъ Россіи, а что вышло? Помнится, что одинъ изъ проворливѣхъ современниковъ Петра, взирая на его реформы и ихъ послѣдствія, говорилъ, что онъ, Петръ, тянетъ на гору одинъ, а подъ гору, — значить, къ старому, — миллионы! А потомъ—что же было послѣ Петра Великаго? Раскройте хотя учебники, [и вы увидите, что кафтаны-то, пожалуй, и перемѣнили реформированные Петромъ бояре, а души-то ихъ остались прежними, даже хуже, ибо къ прежней грубости присоединились лицемеріе, самообманъ и обманъ другихъ, и въ концѣ концовъ все это завершилось страшнымъ и унизительнымъ засильемъ пѣмцевъ. Или возьмите времена Екатерины Великой: это была просвѣщенная государыня, находившаяся въ перепискѣ съ самыми что ни на есть въ то время прогрессивными энциклопедистами, мечтавшая о самыхъ широкихъ и гуманныхъ реформахъ, даже пытавшаяся кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи. И что же? Ничего ей не удалось, а крѣпостное право еще болѣе усилилось! Даже новыхъ законовъ не успѣли въ ея время создать; а вѣдь въ то время у насъ на Руси были созданы чуть ли не генеральные, по образцу французскому, штаты! Реформы великое, доброе и всегда необходимое дѣло, но только тогда, когда люди-то подготовлены. Мы не думаемъ, да вѣроятно и всѣ съ нами согласятся, чтобы одними выкриками реформъ да поношеніями церкви и всего, что въ ней есть, русское общество могло быть подготовлено для воспріятія, а тѣмъ болѣе для осуществленія реформъ, какъ бы онѣ ни были высоки и тѣмъ болѣе радикальны.

А потомъ—какія нужны реформы? Вѣдь въ рѣшеніи этого вопроса нѣтъ ни ясности, ни согласія. Болѣе или менѣе согласны всѣ, что нуженъ помѣстный соборъ. Хорошо, — нуженъ. Но вѣдь дѣянія пред-

соборнаго присутствія уже въ достаточной ясной степени показали, сколько опасностей миру церковному грозятъ столкновенія различныхъ мнѣній въ наше страстное время, время безудержныхъ стремленій, безграничныхъ желаній, неимовѣрной злобы къ церкви и ничѣмъ неприкрытаго невѣжества большинства жаждущихъ реформъ и кричащихъ о нихъ. И вотъ многимъ-многимъ, ясно сознающимъ необходимость преобразованій въ церковной жизни, кажется, что теперь, въ дни великой смуты въ умахъ, въ дни ожесточеннаго возстанія всѣхъ враговъ на христіанство, церковь и государство, самое необходимое—это сохранить всѣми средствами миръ церковный и постепенно готовить людей къ граду-щимъ и неизбѣжнымъ реформамъ.

Самую возможную изъ всѣхъ реформъ кажется, напр., реформа правового и экономическаго положенія православнаго духовенства. Дѣйствительно въ этихъ отношеніяхъ положеніе духовенства дѣлается невыносимымъ. Говоря о правовомъ положеніи духовенства, мы разумѣемъ не то, на что почти исключительно указываютъ жаждущіе реформъ. Отношенія пастырей и архипастырей едва ли могутъ быть по существу измѣнены, если только не хотятъ ввести у насъ пресвитеріанства, о чемъ уже и начинаютъ иные поговаривать, не называя по обычаю собственными именами того, къ чему стремятся. Если дѣйствительно и существовали и существуютъ иногда тѣ явленія въ отношеніи архипастырей къ пастырямъ, которыя обычно выставляются какъ показатели безправія вторыхъ и деспотизма первыхъ, то отъ нихъ едва ли спасутъ какія-либо реформы, такъ какъ эти явленія почти исключительно послѣдствія не самого строя правовыхъ отношеній, а или злоупотребленій, всегда возможныхъ, или темперамента людскаго. Но вотъ гдѣ правовое положеніе пастырей жестоко страдаетъ,—такъ это въ ихъ отношеніяхъ къ приходу. Дѣло въ томъ, что оклеветать, сочинить явную, но страшную небывлицу

на священника или другого члена причта для недовольныхъ на нихъ ничего не стоитъ. Кто знакомъ съ консисторскими судными дѣлами, тотъ знаетъ отлично, что здѣсь въ большинствѣ случаевъ царство злобы, клеветы, самой отчаянной лжи и что самыя иногда незаурядные пастыри ничѣмъ не застрахованы отъ злобы клеветниковъ. Вотъ это-то огражденіе чести и имени пастырей церкви и необходимо создать, давши законъ точный о непремѣнномъ и всегдашнемъ преслѣдованіи клеветниковъ уголовнымъ судомъ. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это именно то, что обѣ этой сторонѣ положенія православнаго духовенства адчущіе и жаждущіе реформъ ни слова не говорятъ. И понятно почему. Потому что—не дѣйствительное имъ нужно улучшение правового положенія пастырей Церкви, а только сѣяніе недовольства и раздоровъ между пастырями и архипастырями. Да и сами реформаторы не повинны въ клеветническихъ походахъ на пастырей и архипастырей. Примѣровъ этому не нужно приводить.

То же самое нужно сказать и о работахъ обѣ улучшеніи экономическаго положенія духовенства,—опять-таки нужно подчеркнуть православнаго только. На словахъ—готовы все сдѣлать, въ словахъ иногда слышатся и какъ будто слезы, а на дѣлѣ оказывается, что это крокодиловы слезы. Кто можетъ защищать или мириться съ существующимъ способомъ обезпеченія православнаго духовенства! Но что можетъ церковная власть подѣлать, если средства для правильнаго обезпеченія духовенства находятся не въ ея рукахъ? И напрасно наши реформаторы въ этомъ вопресѣ киваютъ на церковное чиновначаліе: вѣдь правительство-то выходитъ всегда изъ рядовъ нашего образованнаго класса, а не изъ нѣдръ Святейшаго Синода!

Необходимо при разговорахъ и реформахъ въ быту православнаго духовенства, въ его правовомъ и иныхъ отношеніяхъ руководствоваться и имѣть въ виду и слѣ-

дующія соображенія. Страшна та или другая реформа, если она неизбѣжно превратитъ пастыря Церкви въ чиновника, въ челоуѣка двадцатаго числа. Какъ избѣжать этихъ послѣдствій, перевода духовенство на жалованье, вотъ серьезный и пока не разрѣшенный вопросъ. Потомъ изъ различныхъ трактатовъ и просто разговоровъ о реформахъ въ быту духовенства, особенно же въ его отношеніяхъ архипастырей и пастырей совѣмъ не видно, чтобы люди, жаждущіе реформъ, понимали, что область и характеръ, такъ сказать, юридическихъ отношеній между первыми и вторыми далеко не одинаковы съ областію и характеромъ юридическихъ отношеній для всѣхъ другихъ гражданъ. Должны бы знать всѣ православные христіане, что въ быту духовенства, въ силу именно того, что оно духовенство, много есть такихъ явленій, которыя не могутъ быть судимы судомъ формальныхъ или писанныхъ законовъ, которыя, напротивъ, требуютъ суда исключительно внутренней совѣсти, отеческаго, поистинѣ архипастырскаго. И сколько на этой почвѣ выросло и вырастаетъ тѣхъ именно явленій, о которыхъ въ трубы трубятъ, какъ о незаконныхъ, какъ о деспотизмѣ и т. д. Вотъ сюда относятся часто переводы съ мѣста на мѣсто, посылки въ монастыри на исправленія и т. п. Вообще же о безправности низшаго клира предъ лицомъ грознаго или грознѣйшаго архипастыря нынѣ слѣдовало бы и помолчать: всѣ архипастыри на опытѣ своей жизни знаютъ, какія бывають не просто непослушанія и неповиновенія власти, но и тягчайшія оскорбленія ея, что, конечно, въ иномъ быту неизбѣжно повело бы къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ.

Разъ зашла рѣчь о реформахъ,—мы уже не можемъ не указать и на то, что тѣ формы, въ которыхъ такъ часто выражаются требованія реформъ, прямо-таки свидѣтельствуютъ о болѣзненномъ настроеніи многихъ реформаторовъ. Мы не видимъ и не слышимъ, за рѣдкими исключе-

ніями, спокойнаго разсужденія по тому или другому вопросу. Часто, подчиняясь нервному настроенію окружающаго общества и увлекаясь своими вождельніями, ищущіе реформъ не знаютъ уже ни мѣры, ни мѣста своимъ выступленіямъ. У насъ какъ будто принято просто-таки *ругать* церковную власть, церковные порядки, что часто, особенно въ умахъ простыхъ людей, выходитъ, что ругаютъ саму Св. Церковь, что такъ поступаютъ разные «писатели» изъ еврейскихъ газетъ или круто повернувшихъ влѣво и русскихъ,—это понятно. Но мы рѣшительно не понимаемъ, какая добрая цѣль преслѣдуется пастырями и еще болѣе архипастырями, когда они въ томъ же тонѣ безудержной ругани выступаютъ предъ обществомъ съ требованіемъ реформъ. Кто не знаетъ, какъ возликовалъ весь *прогрессивный* противоцерковный и противогосударственный лагерь, когда появилась въ печати (до сего времени не опровергнутая) рѣчь пресвященнаго Уфимскаго Андрея. И дѣйствительно, такъ жестоко, а главное такъ несправедливо разнести предъ земскимъ собраніемъ (въ которомъ, вѣроятно, были и татары) и всю напу іерархію (тоже, вѣроятно, кромѣ говорившаго), ничего не умѣющую сказать, и вообще весь строй нашей Церкви, еще никто не рѣшался изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ Церкви. Вѣроятно, не рѣшились эти враги такъ оскорбить публично весь сонмъ русскихъ іерарховъ и вообще все нынѣ существующее въ Церкви потому, что опасались, какъ бы не произвели слишкомъ уже сильнаго соблазна въ средѣ вѣрующихъ. Но пресвященный Андрей не убоился этого и сказалъ то, что даже въ газетахъ цензурѣ пришлось выпускать (см. «Русскую Будущность» № 15). Дѣло дошло даже до того, что пресвященный Андрей прямо-таки поручалъ слушавшимъ его съ замираніемъ сердца земцамъ усиленно понажать на членовъ Государственной Думы отъ Уфы (не важно, что тамъ есть и татары), чтобы они подвинули

всю Думу на реформированіе Церкви: «служеніе чистому добру (это Думу-то!) должно одушевить Государственную Думу на всякое партійное самоотреченіе и на одушевленную общую церковно-народную реформу... Но посмотрите—въ нашей Думѣ имѣется объединенная *мусульманская фракція и параллельно съ ней* въ Думѣ еще никто ни одного слова не сказалъ только во имя Церкви... О Церкви, о святомъ православіи говорятъ, но говорятъ крайніи правыя партіи, своими рѣчами только унижая Церковь (ну, еще бы! Куда имъ до мусульманской фракціи!) въ стремленіи поставить ее въ самую полную зависимость отъ власти государственной. Нѣтъ, нуженъ подлинный, чистый, безпартійный голосъ Церкви въ Государственной Думѣ, и тогда начнется обновленіе лица земли русской... А вы обяжите, вмѣните въ обязанность вашимъ избранникамъ въ Государственной Думѣ вопросы церковные, вопросы о нравственномъ культивированіи народнаго духа считать первѣйшими и насущнѣйшими и неумолчно говорить о нихъ». Для особой назидательности необходимо добавить, что немного выше тотъ же ораторъ предъ земскими гласными говорилъ, что Думское прогрессивное духовенство безтактно поступило, что обратилось съ своею запискою прямо къ Оберъ-Прокурору, потому что онъ представитель свѣтской власти! Вотъ какъ трудно соблести не только умѣренность въ сужденіяхъ объ архипастыряхъ и о Церкви, но и простую послѣдовательность въ мысляхъ, когда человѣка *пригласть* да и выразить еще свою симпатію лично къ приглашенному! Но что вызвало громозвучную рѣчь пресвященнаго Андрея? Это тоже поучительно. Его пригласили къ себѣ земцы на собраніе, чтобы ему, именно ему лично въ силу симпатій, питаемыхъ къ нему сими земцами, вручить необходимую сумму на церковныя школы,—ему, а, Боже сохрани, ни въ какомъ случаѣ не церковному управленію! Право, такъ неволью вспоминаются годы отдаленнаго дѣтства,

скверныя когад няньки неразумныхъ дѣтей соблазнили такими рѣчами: «на, дѣточка, пряничекъ, выругай только маму!» И дитя неразумное ругало маму и папу, а няньки скверныя обычно обманывали дѣтей! И на Уфимскомъ сѣздѣ то же самое произошло (относительно, допустимъ, обмана-то): въ то время, какъ Велебеевское и еще другое какое-то Уфимской губ. земство, куда не призывали преосвященнаго Андрея и ему не выказывали симпатій, отпустили на церковныя школы почти по восьми тысячъ, Уфимское вручило только 1200 руб.! А между тѣмъ столь милая сердцу враговъ Церкви и Христа рѣчь преосвященнаго Андрея, быть можетъ, и порадовала уфимскихъ земцевъ своей широтой, глубиной и геройствомъ,—за то не мало вреда она причинила вездѣ, куда только ни проникла. На земскихъ собраніяхъ ее прочитывали, надъ представителями духовенства издѣвались, надъ церковными школами ругались!

Грустно, крайне грустно слышать о такихъ выступленіяхъ нашихъ іерарховъ! Повидимому люди хотятъ ревновать о благѣ Церкви, объ оживленіи церковной жизни и дѣятельности, о «возстановленіи» прихода, о поднятій авторитета пастырства,—и въ то же время съ необыкновеннымъ усердіемъ разрушаютъ и тѣ еще добрыя остатки добрыхъ нравовъ и обычаевъ, которые несомнѣнно еще держатъ въ единствѣ тѣло Церкви. Если епископъ выступилъ на путь поношенія своихъ собратій, если онъ не остановился предъ осужденіемъ огуломъ всей Церкви, то какое обширное поле этимъ самымъ дано разнымъ сектантамъ, раскольникамъ, толстовцамъ и всему прочему міру, враждующему съ Церковію и всю свою силу направившему на соблазны православныхъ, на уловленіе ихъ въ сѣти свои. Мы уже ничего не говоримъ о тѣхъ прогрессивныхъ батюшкахъ, которые всегда рады лишній разъ найти подтвержденіе своимъ прогрессивнымъ мечтаніямъ въ духѣ протестантизма. И что всего печальнѣе,

подобныя выступленія совершенно безцѣльны, случайны, выходятъ какъ будто ради саморекламы! По самому ходу дѣла, напримѣръ въ Уфимскомъ земствѣ, рѣчь должна была идти объ уфимскихъ школахъ, и у преосвященнаго Андрея есть очень хорошее письмо къ пастырямъ и паствѣ по этому вопросу, гдѣ воюющіе съ церковными школами названы даже татарсымаками. И вдругъ вмѣсто обличаемыхъ въ татарсымактвѣ пришлось встать самому обличителю! Неужели послѣ рѣчи преосвященнаго Андрея уфимцы прониклись честою вѣрою, желаніемъ воодушевленно *культивировать* нравственность?! Для чего же все поносное для высшаго русскаго пастырства было сказано? Русская Церковь и ея представители не разъ терпѣли отъ разныхъ случайныхъ людей и во времена нѣмецкаго засилья въ правительствѣ и отъ оберъ-прокуроровъ, иногда не знавшихъ какою рукою нужно креститься, не перестаютъ терпѣть и теперь нерѣдко даже и крайне тяжкіе удары. Но всѣ эти удары, какъ бы они ни были тяжелы, наносились все-таки со стороны и лицъ и учреждений, о которыхъ всегда говорили, можно было говорить, какъ о чемъ-то случайномъ. А что будемъ и будутъ говорить, когда съ такими ударами выступать свои, изъ своихъ же рядовъ и гнѣтомъ по зову и въ угоду тѣхъ, кто не можетъ и не имѣетъ права какія-либо реформы производить въ Церкви, кого нужно «неумолчно» призывать къ покаянію, къ возврату въ лоно Церкви, кому нужно ежедневно учиться молитвамъ, кто, можно съ увѣренностію сказать, символа вѣры не прочтаетъ! Болѣе чѣмъ странно звучитъ обращеніе къ земскимъ дѣятелямъ—обязать членовъ Думы осуждать церковныя вопросы! Неужели можно серьезно думать и говорить, что наша Государственная Дума при ея теперешнемъ составѣ, да и вообще при какомъ бы то ни было составѣ могла бы и можетъ заниматься реформами Церкви? Неужели уже нѣкоторые наши іерархи до-

до того, что готовы отдать всю Церковь въ распоряженіе и наставленіе Думы? Къ какому же тогда соборъ?

Этимъ печальнымъ, какъ выражаются, пидентомъ и закончимъ наши рѣчи къ такому православному паству. Этотъ пидентъ особенно рѣзко указываетъ на необходимость паствы Церкви *внимать и своему стаду.*

Внимайте же, паствы русской Церкви, въ слѣдите за собой, своими мыслями, питаніемъ своей души. Внимайте и своему стаду, слѣдите не хладнымъ сердцемъ и окомъ за тѣмъ, чѣмъ живутъ, чего дѣлать и что находять пасомые. Дни дурныя, соблазновъ много, соблазненныхъ же не мало. Встаньте во всеоружіи своего паствы званія, освящаемые и поддѣляемые благодатными дарами, вокругъ своего словеснаго стада и берегите его отъ шайковъ, откуда бы они ни шли. Нынѣшній поподъ ниспослалъ величайшія испытанія своему христіанскому міру. Нынѣшніе многіе не уразумѣли, что насталъ день гнѣва Божія, и, уразумѣвши, образумились. Въ гнѣбъ съ горемъ и страданіями, видимо, приоддѣть и дни радости, духовнаго обновленія. Ростите это движеніе. Побѣда надъ вѣдшимъ врагомъ будетъ дана тому, кто будетъ выше душой, чище совѣстію, кто ближе будетъ стоять ко Господу и яснѣе выплывать среди грома, молній, бури и страшной непогоды Его гласъ, зовущій къ покаянію и обновленію духа,—прежде всего духа. Горемъ, слезами, страданіями, какъ металл огнемъ въ горниль, очищаются нынѣ души и сердца людскія. Больше таковыхъ благопріятныхъ временъ для покаанія не будетъ, и дай Богъ, чтобы и не было. Бодрствуйте, трезвитесь, трудитесь и слышнѣть Господь въ дни печали и ниспосылаетъ милость вмѣсто праведно нынѣшнѣ движимаго на насъ гнѣва.

Внимайте, паствы Церкви Божіей, себя и своему стаду.

Епископъ Макарій.

Великая отечественная война и церковная жизнь въ 1914—1915 г.г. *)

VIII.

Распоряженія и дѣйствія Святѣйшаго Синода въ заботахъ о военнопленныхъ.

Свѣдѣнія о положеніи нашихъ военнопленныхъ во вражескихъ странахъ.—Посылка Евангелій и Псалтирей къ празднику Пасхи 1915 года.—Особый Комитетъ помощи военнопленнымъ при Центральномъ Справочномъ Бюро о военнопленныхъ.—Комитетъ по оказанію помощи русскимъ военнопленнымъ, находящимся во вражескихъ странахъ.—Отдѣлъ о военнопленныхъ при Петроградскомъ Областномъ Комитетѣ Всероссийскаго Союза городовъ.—Отправка духовныхъ книгъ для военнопленныхъ.—Вопросъ о посылкѣ священниковъ въ лагеря военнопленныхъ и отправка Богослужебныхъ принадлежностей бывшимъ въ плѣну священникамъ.—Организація постоянной духовной помощи военнопленнымъ.—Сохраненіе содержанія за военнопленными священноцерковнослужителями.—Духовная забота о военнопленныхъ славянахъ у насъ.—Всероссийское Попечительство о пленныхъ славянахъ.

Въ началѣ 1915 года слышались голоса о помощи со стороны Родины нашимъ военнопленнымъ, пребывающимъ во вражескихъ странахъ.

Въ февралѣ 1915 года нашъ посланникъ въ Стокгольмѣ Анатолій Васильевичъ Неклюдовъ писалъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, что до него съ разныхъ сторонъ доходятъ свѣдѣнія о печальномъ нравственномъ угнетеніи нашихъ воиновъ, томившихся въ германскомъ плѣну. Для нихъ явилось бы истиннымъ благодѣаніемъ получить утѣшеніе отъ слова Божія. Посланникъ просилъ пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячъ Евангелій и тридцать тысячъ Псалтирей—на русскомъ языкѣ. Одновременно объ отпускѣ Евангелій ходатайствовала предъ Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной сестра посланника, председательница Русскаго благотворительнаго Общества при Императорской Миссіи въ Стокгольмѣ Вѣра Васильевна Неклюдова. Книги предполагалось доставить пленнымъ къ Пасхѣ. Святѣйшій Синодъ, за-

*) Продолженіе. См. № 10 «Церк. Вѣдом.» с. г.